

Лейла Элораби Салем

**Григорий
Отрепьев**

Лейла Элораби Салем

Григорий Отрепьев

«Издательские решения»

2015

Элораби Салем Л.

Григорий Отрепьев / Л. Элораби Салем — «Издательские решения», 2015

Григорий Отрепьев, известный в истории как Лжедмитрий I, является одним из самых известных самозванцев в мире и первым самозванцем на Руси, присвоившим имя сына Ивана Грозного. Одержав победу над Годуновым и заняв московский престол, Григорий, к сожалению, не смог и года удержать власть.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Детство	7
Глава 2. Скитания	12
Глава 3. Чудов монастырь	19
Глава 4. Побег	23
Глава 5. Первое признание	29
Глава 6. Адам Вишневецкий	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Григорий Отрепьев

Лейла Элораби Салем

Все герои книги являются реальными историческими личностями

© Лейла Элораби Салем, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Стоял май. Несмотря на последний месяц весны, погода не предвещала в ближайшее время никакого потепления, словно сама природа отвернулась от людей, наслав на них заморозки за содеянные грехи.

Ветер ласково шелестел листвой, сухая трава низко склонилась к земле, по которой совсем недавно проезжала крестьянская телега, запряженная старой лошастью. Порыв ветра сорвал высоких крон несколько листьев, которые, покружившись некоторое время, мягко легли на землю. Несколько листьев опустились на пепелище, или, если более точно сказать, на то место, где до недавнего времени разводили костер. Черный пепел, перемешанный с землей, словно магнит невольно притягивал взгляд. Путнику, если он и проезжал мимо, становилось не по себе, и он старался как можно скорее покинуть это место.

Но не столько остатки костра притягивали взгляд, сколько женщина, одетая в темно-зеленый сарафан без каких-либо украшений, на голове у нее был повязан черный шерстяной платок, из-под которого выпала прядь волос. Женщина эта, стоя на коленях на земле, что-то долго искала в куче пепла, словно пыталась найти там сокровище. Занятая столь важным делом, она не замечала бродячих собак, что бегали не подалеку.

– Господи, помоги, – шептала женщина, время от времени вытирая рукавом катившиеся по щекам слезы.

Вдруг ее пальцы, немного углубившись в кучу пепла, нащупали твердый маленький предмет. Она тут же принялась разгребать пепел и доставать оттуда крохотные обломки костей. Кости эти, белые, были настолько маленькими, что невозможно разобрать, кому они принадлежали: птичкам или мышкам. Но, главное, почему женщина так настойчиво искала эти останки, почему с такой любовью, такой нежностью смахивала с них грязь, а затем складывала на белый платочек, что лежал рядом с ней.

Когда больше ничего найти не удалось, женщина взяла платочек с костями в руки, поцеловала кости и вдруг затряслась от рыданий всем телом. Она плакала тихо, прикрыв ладонью рот.

– Мой родной, мой любимый, что же они сделали с тобой? – причитала женщина, приложив останки к сердцу.

Неуверенным шагом, ступая, будто в трансе, она отошла от пепелища и, снова опустившись на колени, принялась отчаянно рыть руками ямку. Когда ямка оказалась достаточно глубокой, женщина осторожно положила в нее завернутые в платок кости, а потом засыпала их землей. Соорудив нечто наподобие могилки, она перекрестилась и тихо произнесла: «Упокой, Господи, его душу».

Порыв ветра трепетал ее мешковатое одеяние. Женщина подняла глаза к небу и, воздев вперед руки, сказала:

– Ты жди, скоро мы встретимся с тобой.

Глава 1. Детство

В саду, в том месте, где росли яблоки, недавно появились первые бледно-розовые цветочки. Листья, еще небольшие, блестели в лучах закатного солнца, пробившиеся сквозь кроны деревьев и кружочками ложились на землю. По мягкой траве весело бегал маленький мальчик. Время от времени он останавливался и всматривался на мелкие цветочки, посаженные вдоль тропинки. Ребенок, словно птенчик, весело смеялся и срывал лепестки, которые затем подбрасывал в воздух, напоенный сладковатым ароматом цветов.

Молодая женщина с засученными рукавами до локтя, с любовью и умилением посматривала за мальчиком, любясь его миленьким личиком. Затем, глубоко вздохнув, она перевела взгляд на предзакатное небо, потом снова взглянула на ребенка и крикнула:

– Юрочка, сыночек, иди домой.

Мальчик, услышав голос матери, вскочил на ноги и побежал к крыльцу. Маленький, похожий на цыпленка, прыгал он с камешка на камешек, пока не добежал до ступеней, что вели в горницу. Молодая женщина в длинном широком сарафане, раскрыла руки и на лету подхватила сынишку. Посадив его на колени, она нежно принялась вытирать его маленькие ручки. На правой руке над кистью у мальчика было родимое пятнышко, и мать поцеловала это пятнышко, потом ласково пригладила рыжеватые волосенки сына и проговорила:

– Пойдем домой, мой милый. Ужин уже готов.

В просторной комнате, уставленной деревянной мебелью, чувствовался запах только что испеченного хлеба. Женщина усадила Юрочку за длинный стол и подала ему похлебку. Пока мальчик уплетал ужин за обе щеки, она с восхищением смотрела в его умное, не по годам смышленное лицо. Она восхищалась сыном и считала его красавцем, не обращая никакого внимания на такие недостатки, как две бородавки на лице и руки разной длины. Для нее он был самым лучшим, самым умным, самым красивым. Не раз получала женщина выговор от родственников, считавших, что она слишком балует своего старшего сына, позволяя ему то, за что остальные дети получают розги.

– Ох, Варвара, балуешь его, балуешь. А Юшка твой шалопаем неугомонным растет. Смотри, слезы потом не лей, – заметил как-то ее свекор.

– Чур тебя, отец! Не болтай, а то беду накаркаешь, – возразила она.

– Да мне-то что. Твой сын, тебе с ним жить. А я лишь совет дал.

Варвара не хотела слышать никого, когда речь заходила о долгожданном первенце. Будучи дворянами по крови, семья их жила чуть лучше холопов. И ведь могли бы обустроиться, да не тут-то было. Отец семейства, Отрепьев Богдан, был горьким пьяницей, тративший большую часть денег в кабаках и других увеселительных заведений. Варвара, каждый раз глотая слезы при виде пьяного мужа, корила судьбу за то, что ей, по праву рождения не дано жить как остальным супругам аристократов. И почему именно ей, привлекательной, образованной женщине, достался никчемный супруг? Задавая изо дня в день подобные вопросы, она еще больше привязывалась к детям, ей было стыдно, что они видят отца пьяным, плачущую мать. Но что она может сделать для своих чадушек, что?

После ужина Варвара притащила из кладовки деревянную ваночку и принялась таскать воду из колодца. Юшка, наблюдая за матерью, которая аж покраснела от тяжести, понимал, что она собирается его купать. Когда ваночка наполнилась водой, женщина раскалила большой камень в печке, после чего аккуратно положила его на дно, дабы согреть воду.

Согрев воду, Варвара вытащила камень и посадила в ваночку сына, который принялся весело плескаться, время от времени окунаясь прямо с головой. Женщина вытащила большой кусок душистого мыла и намылила им тело сына. Кожа у него была белая, и даже в летнее время не темнела, а краснела.

Давай помоем ручки, белые наши ручки
Давай помоем пяточки, белые наши пяточки
Давай помоем головку, светлую нашу головку.
Мой красавец сыночек
Будешь чистым у меня
Будешь ясным у меня
Солнышко светит, лучи бросая,
И там, где они касаются,
Вырастет травка, зеленая травка,
Вырастут цветочки, яркие цветочки.

Напевая песенку, Варвара аккуратно поливала из ковшика воду на Юру, который, зажмурившись, тер кулачками глаза, в которые время от времени попадала мыльная пена.

– Вот и все. Теперь ты чистенький, мой сыночек. Иди ко мне, я оботру тебя.

Не успела она вытащить мальчика из воды, как услышала топот на крыльце, хриплый кашель и непонятное, бессвязное бормотание. Сердце у нее забилось, настроение тут же испортилось. Уставившись на дверь, она с ужасом ждала, когда в комнату войдет Богдан, пришедший с очередной попойки. И только она подумала об этом, как дверь настежь распахнулась и в проходе, заслоня свет, показался молодой, довольно привлекательный мужчина. Протопав, даже не сняв пыльные сапоги, в комнату он мешком плюхнулся на стул и пробормотал:

– Варвара... есть вино еще?

– Какое тебе вино? Посмотри на себя, на кого ты похож! Упился так, что разит от тебя как от пивной бочки. Тьфу, выглядишь хуже самого последнего холопа!

– Моя ли в том вина, что к нам государь несправедлив?

– Ты вечно ищешь виноватых, а сам ничего делать не хочешь. Посмотри, в какой нищете мы живем. Я одна все по дому делаю, за детьми смотрю. Денег даже на одежду нет, и все потому что ты тратишь последние монеты в кабаках!

– Ну что ты заладила... Каждый день одно и то же, – у него заплетался язык, жестикулируя руками, он пытался проговорить хоть что-то связное.

– И буду говорить. Как же мне молчать, когда сыночки без отца растут. Тебе-то не стыдно самому появляться в таком виде перед детьми? А?

– Я детей люблю, я за них жизнь отдам!

– Да-да, говорить ты горазд. Только делать ничего не хочешь.

Отвернувшись от мужа, Варвара взяла Юру на руки и, завернув его в большое, теплое полотенце, сказала: «Сейчас согреешься, мой родной».

– Чего ты Юшку у дверей держишь? Ему холодно, – проговорил Богдан.

– Молчи, сама знаю, – после этого женщина подтолкнула сына и сказала, – иди, иди в комнату.

Мужчина, глядя им вслед, прокричал: «Чего ты его толкаешь-то? Растолкалась!» Варвара последних слов уже не слышала, или ей просто не хотелось слышать. Подведя Юру к его кровати, что стояла в углу под альковом, она надела на него чистую белую рубаху и уложила спать. Мальчик, глядя на нее большими голубыми глазами, тихо сказал:

– Мама, расскажи сказку.

– Я устала, мой любимый. Давай в следующий раз?

– Но я хочу сейчас!

Вздыхнув, Варвара присела на край кровати и ответила:

– Хорошо. Только обещай мне, что сразу уснешь.

– Обещаю.

Как только мать потушила свет и ушла, прикрыв дверь, Юра тут же вскочил с постели и приложил ухо к двери. В соседней комнате раздался плач младенца, младшего брата Юшки – Васи. Через какое-то время снова наступила тишина, прерванная голосом отца и плачем матери. Богдан завел свою старую песню про несправедливость, Варвара резко отвечала на его выпады, не забывая при этом укачивать младенца. В конце разговора мужчина любил бить себя в грудь и возражать, что его сыновья обязаны жить лучше, чем кто бы то ни был и ни в чем себе не отказывать. Особенно любил он поговорить о судьбе старшего, любимого сына, о судьбе которого думал каждый день.

– Варвара, послушай. Только тебе одной скажу. Да, я каюсь, что такой никемный пьяница... прости, но не могу я жить по-другому... Но, ты пойми, думаю я о детях наших...

– Да оно и видно, как ты думаешь, – в гневе бросила женщина.

– Думаю, да. Особенно о судьбе старшего нашего, первенца Юшки. Ты пойми, не желаю я, дабы он остался жить здесь, в Галиче, в этой забытой Богом дыре. Какая жизнь его ждет здесь?

– Ну, и что ты предлагаешь?

– Подрастет Юрка, отдадим его на службу нашим дальним родственникам, боярам Романовым. Послужит он там у них, а потом можно и в Москву.

– Да, прямо в царские палаты!

– А что не так? Мы хоть и бедны, но тоже не из холопов. Род наш достаточно знатен, чтобы дети наши добились большего.

– Ну, посмотрим. Что Бог велит, тому и быть.

Они даже не знали, что старший подслушивает их разговор. Кинувшись на постель, мальчик зажмурил глаза и силился уснуть, а в голове все еще слышались слова «Москва», «Кремль», «Царские палаты».

Вообще-то, детство Юрия было довольно счастливым. Росший в бедности, но в любви и заботе. И отца он сильно любил и был привязан к нему больше, чем к кому бы то ни было. Сам Богдан Отрепьев был стрелецким сотником, получивший вместе со своим старшим братом Смирным-Отрепьевым поместье в Коломне. Но в отличие от Смирного, Богдан явно не обладал достойными дворянина качествами. Постоянные пьянки в кабаках, драки – таким был младший отпрыск, вынужденный при этом арендовать землю у Никиты Романовича Захарьина.

Иногда, будучи трезвым, молодой сотник часто, иногда весь день проводил с Юрой, обучая его всему, что знал сам. Рассказывал ему о войске царя, как живут люди в Москве, много говорил о Кремле, о том, как он обустроен, какая роскошь царит в нем. Юшка, широко раскрыв глаза, ловил каждое слово отца, и больше, чем что-либо его заботил вопрос о царе и его приближенных, какие те носят одежды, то едят, как живут. Богдан, посадив сына на колени, принимался рассказывать все вновь и вновь, не понимая, почему именно эти вопросы так волнуют его первенца.

В летнее время года, в самую жару, мужчина с утра отправлялся с сыном к реке. Там он учил мальчика плавать, говоря при этом: «Учись плавать, учись. Стыдно мужчине не уметь плавать». Юра искренне старался порадовать отца своими успехами, и вскоре он начал держаться на воде, со всех сил болтая руками и ногами.

– Держи подбородок в воде, не поднимай высоко голову. Дыши ровно, спокойно, не плескайся так сильно, работай руками и ногами спокойно... Вот так, молодец, – поучал его Богдан, плывя рядом.

Ближе к вечеру они возвращались домой голодные и уставшие. После ужина Юшка сразу ложился спать, даже не просил мать рассказать сказку на ночь.

Не только купание в реке было счастливым временем, но и поход на базар, где торговали всем, чем только можно: здесь были и одежда, и сбруя и уздечки для лошадей, и игрушки,

и сладости, и украшения, и красивая утварь. Проходя мимо торговых рядов, мальчик хватал отца за руку и говорил:

– Отец, смотри, какие свестульки! Купи.

– Ты действительно будешь в них играть? – лукаво спрашивал Богдан.

– Буду, буду. Только ты мне купи.

Не мог мужа отказаться любимому сыну, не мог. Все, то ни попросит Юшка, то и покупал, даже если у него оставались последние деньги.

Так прошло два года. Юрий подросток, стал более серьезным, спокойным. Его умное, красивое лицо чаще становилось грустным и задумчивым, словно мальчик предчувствовал беду. И беда пришла.

Однажды поздно вечером, убрав со стола Варвара положила детей спать и только хотела было идти запирасть на засов ворота, как вдруг услышала громкий топот, потом в дом ворвался Смирной-Отрепьев. Пререведя дыхание, он вытер тыльной стороной ладони слезы и произнес:

– Горе посетило наш дом, Варя.

– Что случилось?

– Богдан... мертв, – последнее слово далось ему с трудом, – зарезан в пьяной драке каким-то литвином в одном из московских кабаков.

– Господи, сохрани, – перекрестилась женщина и бессильно упала на стул.

Смирной присел с ней рядом и, положа руку ей на плечо, тихо произнес:

– Крепись, Богдана больше не вернуть, а тебе еще малых поднимать на ноги нужно.

Варваре стало еще грустнее от этих слов. И хоть супруг был пьяницей и разгельдеем, но все же хоть какая-то поддержка была, а теперь и ее нет.

Юшка, слыша весь разговор за дверью, не мог сдержать слез. Он тихо плакал, пока дядя оставался подле матери, а когда тот ушел, сразу вышел из укрытия и, подойдя к женщине, крепко прижался к ее коленям. Варвара прижала сына к себе и принялась целовать его светлые волосенки, время от времени приглаживая их рукой.

– Не плачь, мой сладенький. Сыночек мой любимый. Солнышко мое ненаглядное. Не плачь.

После похорон Юшка был сам не свой. Ходил из угла в угол, всматриваясь все время на входную дверь, будто бы ожидая появления Богдана. Мальчик тяжело переживал утрату отца, которое любил больше, чем кого бы то ни было. Одно воспоминание за другим вставало в его памяти: вот отец берет его на руки, вот играет с ним, вот идут они вместе по дороге к реке, где мужчина научит сына плавать. Вспоминая это, Юра садился в углу и тихо плакал, дрожа всем телом, понимая, что больше никогда не вернет то счастливое время.

Несколько лет спустя...

Подрастая, Юра постепенно утратил воспоминания об отце, которое затерялось где-то во времени, в далеком детстве. Его воспитанием занялась мать, научив его всему, то знала сама. Благодаря ей, мальчик познал грамоту, начал читать Священное Писание. Но то была маленькая крупица, которая не удовлетворяла любопытство смышленного мальчика, который оказался гораздо умнее и способнее своего младшего брата.

Помимо этого, в Юре начали проявляться задатки командира, когда он вместе с остальными мальчишками устраивали всевозможные игры. Юшка, по росту самый маленький из всех, оказался самым влиятельным: его слушались и делали то, что он велел.

Когда Юре наступило одиннадцать лет, по всей стране прокатилась волна горя. В Угличе умер младший десятилетний сын Ивана Грозного и его седьмой жены Марии Нагой. Борис Годунов и его окружение свидетельствовали, будто мальчик зарезал сам себя во время очередного приступа эпилепсии, которой страдал с самого рождения. Но те, кто жил в Угличе, категорически были против такой версии, будто бы царевич умер в результате падучки. Но, самое

главное, почему-то многие свидетели, будучи неподалеку от того места в тот злополучный день, бесследно исчезли. Что бы это могло означать? И зачем перед трагедией сын дьяка Михаила Битяговского, Даниил вместе со своим товарищем Никитой Качаловым ездили в Москву (некоторые утверждали, что они ездили отпустить грехи у духовника Бориса Годунова). А после смерти Дмитрия царь Фёдор поручил расследовать Борису Годунову, который так его провел, что не осталось никого в живых из тех, кто мог что-то знать или видеть.

Народ оплакал смерть малолетнего царевича, которого похоронили в Спасо-Преображенском соборе, после чего начал думать: то же будет дальше, кто следующим сядет на престол, если нынешний царь Фёдор не имел потомства?

Но никто не знал, какие события нагрянут на русские земли.

Глава 2. Скитания

Минуло три года. Юре исполнилось четырнадцать лет – еще не мужчина, но уже не мальчик. Из маленького белукурого ребенка он превратился в темно-рыжего юношу с синими глазами, белой кожей. Юрия нельзя было назвать красавцем, которым восхищались жители Древней Греции и Рима. Некоторые считали его даже некрасивым, безобразным, видя недостатки во внешности: как-то две бородавки на лице и одна рука короче другой. Но если не акцентировать на них внимания (у всех нас есть минусы), то было видно, что Юрий достаточно симпатичный, миловидный молодой человек, правда, роста небольшого, ну это уже мелочи.

Но не только необычная внешность отличала его от других, сколько его умные не по годам глаза, в которых таились неведанные думы, словно море поражала глубина его глаз, и в них хотелось глядеть снова и снова. Варвара души не чаяла в своем первенце, больше, чем младшего, любила она своего Юшку, всячески баловала, из-за чего у нее часто вспыхивали ссоры со Смирным-Отрепьевым, который после смерти брата взял на себя опеку над племянниками.

В один из погожих дней, когда сентябрьское солнце все еще согревало землю, но не так как летом, по торговым улицам, где раскинулись палатки продавцов-зазывал, шли, пробираясь сквозь толпу, три человека: мужчина, женщина и невысокий молоденький паренек с еще детскими чертами лица. Шли они мимо прилавков, заваленных новой одеждой. Юноша постоянно вертел головой, показывая то в одну сторону, то в другую. Мужчина резким окриком пытался уговорить его, дабы тот вел себя смирно.

– Дядюшка, глядь, какие кафтаны продают! – радостно воскликнул малец и тот час побежал к лавке, где пожилой упитанный продавец развешивал дивной красоты жилеты, кафтаны, шаровары. Одежда играла на солнце, переливаясь, яркими красками, и по всему было видно, что не в будний день носить такую красоту.

– Юшка, ты чего? – спросила подошедшая вместе со Смирным его мать Варвара.

– Матушка, ты только взгляни, какая красота! Я давно мечтал о таком наряде. Прошу, купите мне вот этот кафтан.

Дядя, строго взглянув на племянника сверху вниз, ответил:

– А ну-ка, покажи, дай взглянуть, что ты за наряд скомороха выбрал.

Юрий только хотел было указать на понравившийся ему кафтан, как к нему подошла Варвара и спросила:

– Сыночка, а может, вот эту рубашку тебе купить? Смотри, ткань плотная, добротная. И вот этот жилет, ты только глядь.

– Не хочу я это, – капризно сказал парень, обиженно выпятив нижнюю губу, – сама носи этот ужас.

– Но почему ужас-то?

– Мне цвет не нравится, тусклый какой-то. А я хочу вот этот, яркий.

– Ну-ну, – вставил слово Смирной-Отрепьев, – мы тебя учиться в Москву отправляем, а не на базарное представление. Что купим, то и будешь носить.

Продавец, усмехаясь, поглаживал усы, с нетерпением дожидаясь развязки.

– Я хочу вот этот кафтан.

– Сынок... – хотела только возразить Варвара, но Юрий перебил ее:

– Или вы мне покупаете, что я хочу, или вообще тогда уходим и я никуда не поеду, – с этими словами юноша кинул вещи на прилавок и, не глядя ни на кого, зашагал прочь.

Дядя крикнул ему вслед:

– А ну иди сюда, сосунок! Ты что тут устроил!

Женщина вдруг спохватилась и проговорила:

– Смирной, подожди, не горячись. Давай все обсудим...

Юрий бежал по улице, неуклюже задевая локтями прохожих. Наконец, он выбрался из толпы и ринулся по знакомой улице, где вырос и где провел все детство. Он бежал, ветер дул в лицо, осушая катившиеся по щекам слезы. Слезы эти были от обиды: ведь дядя и мать обещали, что купят лишь то, что он сам выберет, а вместо этого накричали на него. Он бежал все быстрее и быстрее, а обида все росла и росла. Нет, не будет он носить то, что они выберят, и ни в какую Москву не поедит, не будет плясать под их дудку.

Неподалеку, прислонившись к шаткому забору, сидели гурьба парнишек, давних друзей Юрия, с которыми он творил такое, что все соседи рвали на себе волосы. Теперь же бывшая дружба осталась позади, уступив место презрениям и насмешкам. И те, кто раньше были друзьями, теперь часто обижали его, выкрикивая обидные слова и усмешки.

– Смотри, вон бежит разнорукий бородавчик! – закричали ребята и громко засмеялись.

Юрий, не обращая на них никакого внимания, пробежал мимо и скрылся за воротами собственного дома. До его слуха донеслись голоса: «Куда убежал, рыжий? Смотри, бородавки не растеряй!» Раньше, если бы это произошло день назад, Юра бы подрался за свою честь, но теперь ему было все равно: кто и что скажет ему, ибо не хотелось ему покидать родительского дома, не хотелось оставлять родных, тех, кого он всегда любил.

Пробежав в глубь сада, юноша остановился и бессильно опустился на мягкую траву. Сердце гулко билось в груди, словно желая разорвать грудную клетку и вырваться прочь. Юра прижал длинные, тонкие, белые кисти рук к тому месту, где отзывались удары и закрыл глаза. Ему хотелось успокоиться, прийти в себя; он чувствовал себя глубоко несчастным, ему хотелось еще сильнее заплакать, но слез не было, не было даже сил подняться с земли. Подняв глаза к небу, он долго всматривался на плывущие облака и тихо проговорил: «Отец, ты бы понял меня. Почему тебя больше нет со мной?» И словно в ответ деревья ласково зашелестели листвой, будто бы подавая знак согласия.

Вечером после ужина Юрий молча, ни с кем не разговаривая, отправился спать. Ему не хотелось видеть никого: ни мать, ни брата, которые изумленно уставились на него, когда он вошел в дом: грязный, заплаканный. Самые родные люди не понимали, что творится в его душе, а рассказать, поведать свою печаль Юрий не хотел, уж больно устал он за последнее время.

Присев на кровати, юноша вдруг заметил лежащий на ней кулек. Он внимательно разглядывал его, но потом любопытство взяло вверх и, развернув мешок, он увидел тот самый кафтан, что выбрал сегодня на базаре.

– Мама, мамочка, спасибо тебе, – тихо промолвил Юра и тихо заплакал от счастья, от благодарности к матери и из-за того, что днем плохо подумал о ней, о той, которая сделала для него больше, чем способен был человек.

Он бесшумно прошел в горницу, где в этот момент, склонившись над деревянной бочкой, стояла Варвара и мыла посуду. Юноша присел на корточки подле матери, взял в руки одну из тарелок и тихо попросил:

– Матушка, позволь я помогу тебе.

– Родной ты мой, солнышко мое ненаглядное, – ласково проговорила женщина и нежно погладила сына по щеке.

– Прости за сегодняшней день. Я, правда, повел себя глупо.

– Экий ты. Все хорошо. Я даже рада, что смогла уговорить Смирного купить тебе красивый кафтан.

Юрий помолчал. Казалось, он не слышал слов матери, все время пребывая в своих тайных думах, о которых не рассказывал никому, словно боясь навлечь на себя беду. Закончив мыть посуду, он вытер руки о полотенце и спросил:

– Матушка, мне обязательно ехать в Москву?

– Для твоего же блага, родимый. Умен ты не по летам, способности к учебе у тебя есть, вот и захотелось мне помочь: а вдруг случится, что из тебя выйдет большой человек. Уж кто-кто, а грамотные люди в наше время ой как нужны.

– Ты сама так решила или это дядя посоветовал?

– Я... мы вместе обдумали и пришли к выводу, что негоже тебе век в маленьком городке поживать. А Москва-то столица, там столько возможностей.

– Вы хотя бы меня спросили, чего я желаю. А то все решили за меня наперед.

Варвара уставилась на сына, сдвинув брови к переносице. Впервые в жизни она злилась на него.

– Не хочешь – не ехай. Да только в будущем не пеняй на других, что жизнь не удалась.

– Прости меня, – Юрий подошел к матери и поцеловал тыльную сторону ладони в знак покорности и смирения. – Я поеду в Москву, авось, и уезжать потом не захочется.

На следующий день рано утром Варвара приготовила седельные сумы с запасом еды да одежду. Юрий, еще более бледный от волнения, ходил из угла в угол, даже к еде не притронулся. Знал он, что в обед придет за ним родственник по отцовой линии, который и приведет его в Москву грамоте учиться. Не хочется юноше покидать отчий дом, ой как не хочется. А что делать? Надо как-то о хлебе насущном думать, а потом, как знать, может, в царские палаты наймут в качестве секретаря или еще кого-нибудь, царь, поговаривают, привечает грамотный люд. А там, если дело в гору пойдет, обустроится в столице, домом обзаведется, а потом мать с братом к себе возьмет; пусть матушка хотя бы на старости лет в довольстве поживет. Так рассуждал четырнадцатилетний Юрий Отрепьев, сын Богдана Отрепьева, будущий царь всея Руси.

Когда солнце направило косые лучи в сторону окон, что располагались с южной стороны, у ворот послышались шаги, потом кто-то забарабанил по ставням. Варвара, вытирая руки о передник, ринулась открывать калитку.

– Здраве буде, Варвара, – проговорил высокий, сухопарый старик.

– Ой, Петр Захарович, проходи, мы тебя с самого утра поджидаем, – с поклоном поприветствовала его женщина.

Юрий в это время стоял на крыльце и внимательно наблюдал за гостем, который уже протопал к крыльцу и снял пыльную обувь. Старик долго, пристально вглядывался в лицо юноши; по сему было видно, что его заинтересовало нечто такое, о чем иные не догадывались. Петр Захарович прочитал в лице дальнего родственника будущее величие, но вслух дум своих не сказал. Вместо этого он подошел к Юрию и спросил:

– Помнишь меня аль нет?

Юноша покачал головой, боясь промолвить хоть одно словечко.

– Это правильно, что не помнишь. Ты еще мал бы совсем, когда меня последний раз видел. Кажись, тебе года два-три было, не больше. А сейчас тебе сколько?

– Четырнадцать, старче, – тихо ответил Юрий, дрожа всем телом.

Петр Захарович, оглядев его, сказал:

– Что это ты ростом мал.

– Так, – смущенно ответил тот и густо покраснел, его щеки запылали, будто бы ему дали пощечину.

– Чего смутился-то? Правду не любишь? Но ты не волнуйся, как говорят, мал золотник, да дорог. Поговаривают, будто ты смышлен в учебе, вот это самое главное, большим человеком станешь, если будешь прилежно учиться.

Варвара подбежала к ним и пригласила гостя в дом. Там его уже ждал горячий обед. Ели вчетвером: Юрий, его младший брат Василий, их мать и Петр Захарович. После обеда женщина приготовила дорожную одежду, в которой нарядится сын. Юрий молча, без слов, собрался в путь. Руки его, обувая мягкие сапоги с загнутыми носами, дрожали. Комок рыданий застрял

в горле, хотя он до конца силился сдержать слезы. У ворот юноша крепко обнялся с матерью, которая, вытирая катившиеся по щекам слезы, наставляла его:

– Слушайся учителей своих, будь прилежен. Во время пути слушайся Петра, не перечь ему.

– Я все сделаю, как ты сказала, матушка, – промолвил Юрий, весь бледный, испуганный. Он поцеловал мать три раза в щеку и встал рядом с Петром Захаровичем, который казался еще выше и худее по сравнению с коренастым, широкоплечим подростком.

За поворот Юрий еще раз обернулся в сторону дома, у ворот все еще стояла Варвара, махая рукой ему вслед. Юноша помахал на прощание и скрылся за углом. Жизнь круто изменилась...

В Москве Петр Захарович поселил Юрия в доме зятя Варвары, дьяка Ефимьева. Сам дьяк, взявший на себя роль учителя, был поражен способностям молодого родственника, который смог за месяц выучить то, на что иные тратили годы. Юрий познал грамоту, научившись каллиграфии. У него был необыкновенной красоты подчёрк. О его способностях узнали на патриаршем дворе, пригласив юного гения работать переписчиком книг. Однако дальновидный, хитрый, не по летам умный Юрий решил отказаться и от жизни в доме дьяка, и от переписывания книг. Такая жизнь, скучная, однообразная, не удовлетворяла его. Юноша мечтал об ином: ему хотелось скакать на резвом коне в диком поле, держа в руках саблю, ему хотелось слышать лязг мечей, ржания коней, иступленные вопли раненных и умирающих. В душе он был воином как и его отец.

Распроставшись со своими родственниками, которые все же надеялись, что Юрий останется, он ушел из Москвы. Куда держать путь? Нет, домой возвращаться нельзя, иначе мать ой как расстроится. Тем более, он дал ей слово быть прилежным учеником и добиться в жизни большего, нежели Богдан.

Ноги сами привели его в усадьбу Романовых. Усадьбы эта, окруженная со всех сторон высоким забором, больше походила на крепость. Хозяин ее, Михаил Романов, в последнее время ходил грустный и задумчивый, будто какая беда свалилась на него. Прохаживаясь из комнаты в комнату, он в душе проклинал выскочку Годунова и его преспешников, которые после смерти царя Фёдора прибрали к рукам всю власть. Романовы оказались в опале, потому как считали, что имели право на царский трон наравне с Борисом. Сам Годунов косо поглядывал в сторону Романова, вот почему боярин удвоил охрану своего поместья, боясь предательского удара.

«Будь проклято, семя татарское!» – думал Михаил Романов, всматриваясь вдаль. В этот самый момент к нему с поклоном вошел слуга и сообщил, что в усадьбу пришел неизвестный молодой человек, почти мальчик, в пыльной дорожной одежде. Боярин, поглаживая густую темную бороду, спросил:

– Как выглядит сий скиталец?

– Еще юнец, не больше шестнадцати лет, ростом мал, в груди широкий, лицо круглое и белое, глаза голубые, волосы темно-рыжие, у носа и на лбу бородавки...

– Погодь, погодь... Ты говоришь, у него на лице бородавки?

– Да, и еще, одна рука короче другой.

– А, мне понятно, кто это. Это же Юрий Богданович, сын нашего соседа Отрепьева. Веди его сюда.

Холоп раскланялся и удалился. Через несколько минут послышались шаги, затем дверь отворилась и в комнату вошел невысокий молодой парень, чуть смущенно покраснев. Михаил Романов встал с кресла и подошел к гостю. Тот низко склонился в знак глубокого уважения, боясь взглянуть хозяину усадьбы в глаза. Боярин долгое время разглядывал Отрепьева, приметив, что тот достаточно симпатичный, хотя бородавки и руки разной длины поначалу портили впечатление об этом человеке. Юрий вытащил из-за пазухи дорожного плаща завернутый

в платок лист бумаги и молча протянул Романову. Тот почтительно взял письмо и, прочитав, гивнул головой и пригласил Отрепьева присесть подле него.

– Говорят, – начал боярин, – будто ты обучен грамоте и у тебя редкой красоты подчerk. Так ли это?

– Я не могу хвалить себя. Пусть более важные люди делают это, – скромно ответил тот.

– А ты умен, как я погляжу. Такие люди мне нужны. Инь ладно, будешь служить мне. Отдам тебе ключи от моей библиотеке, будешь старинные летописи переписывать.

Юрий побелел, словно его приговорили к смертной казни. Нет, не для того шел он к боярину на службу, дабы коротать дни в темной комнате, склонившись над книгами. Иной, вольной, опасной жизни желал он. Он облизал красные, красивой формы губы, не решаясь сказать свою думу вслух. Михаил Романов внимательно взглянул на него и от него не укрылась белизна кожи юноши.

– Чего так побелел. Аль не любы тебе слова мои?

– Прости меня, боярин. Да только... – Юрий запнулся на полуслове.

– Говори, выслушаю любую просьбу.

– Боярин, прошу, выслушай меня! – его глаза вдруг вспыхнули ярким огнем, он весь поддался вперед, его лицо преобразилось, стало красивым. – Мы жили соседями, мой покойный отец Богдан Отрепьев, был арендатором вашей семьи. Всю жизнь жил я в бедности, рано лишился отца. Тяготила меня жизнь в Галиче, иного хотел я. Никто меня не принимал в серьез, с детства я слышал насмешки, но сказать ничего не мог. Всю силу я потратил в изучении грамоте, да только тяготит меня судьба такая, я еще молод, не хочется мне все время проводить аки старец среди книг и бумаг.

– Так чего же ты желаешь? Может быть, я помогу тебе, – проговорил Михаил Романов, пораженный красноречием юноши.

– Боярин, хочу я стать воином, носиться с мечом в руке по полю на вороном коне, хочу разить врагов наших, слышать победоносный клич, врываться на скаку в гущу боя. Вот чего хочу я! Вот к чему тянется душа моя!

Юрий вспотел, жила на его высоком лбу вздулась от напряжения. Он со всей силой сжал подлокотник кресла, будто боясь упасть с него. Боярин выслушал его, не перебивая, и когда тот закончил излить душу, стукнул кулаком по столу и радостно воскликнул:

– Хорошо! Будешь служить мне.

Юрий встал и низко склонился в поклоне. Наконец-то, думал он, все переменится к лучшему.

С тех пор начал он военную службу у Романова. К тому же выяснилось, что молодой человек не только умен, но и силен. Юрий не был из тех, кто тратил всю силу на грамоту, со временем иссушаясь физически. Юноша был крепкий и выносливый. Быстро научился владеть хоть и не так хорошо, но все же, мечом. Полюбились ему и езда верхом, когда он объезжал диких коней, к которым боялись подходить остальные.

Каждое утро молодой человек начинал с разминки, потом шел завтракать. Аппетит у него был отменный! За раз он съедал по две порции, после чего шел тренироваться дальше. Остальные слуги и служивые Михаила Романова не любили выскочку как они называли Отрепьева. Каков удалец, поговаривали они, еще молоко на губах не обсохло, а он уже на равне с ветеранами тягается. Юрий старался не замечать слухи и сплетни, которые витали вокруг его имени. По натуре он был тихим и замкнутым, чаще хмурым и грустным. Стараясь держаться в отдалении от остальной челяди, молодой человек замыкался в себе, время от времени грезя о лучшей доли.

И так могло продолжаться еще долгое время, если бы царь Борис Годунов не решился на решительные действия против Романовых. Романовы были у него как кость в горле, которую нужно либо вынуть либо проглотить. Царь снарядил полк и пошел штурмом на дом Романовых.

В то время Отрепьев Юрий уже жил в Москве на подворье Романовых на Варварке. Там-то и произошло сражение царя против бояр. Вся челядь Романовых храбро защищали своего господина, но силы были не равны. Это событие произошло в 1600 году. Тогда Юрию исполнилось девятнадцать лет. Храбрый молодой человек сражался вместе с остальными за жизнь Романовых, но царские стрельцы все же ворвались в дом бояр, истребляя всех, кто попадался им на пути. Было решено, что холопы и прочие служивые люди Романовых должны вместе со своими хозяевами подвергнуться смертной казни как бунтовщики против царя.

Спасаясь от летящих со всех сторон пуль и стрел, Юрий бежал из комнаты в комнату, стараясь найти выход. Наконец, добравшись до потайной двери, молодой человек приналег на нее и она со скрипом отворилась. «Господи, помоги мне», – тихо шептал Юрий, пробираясь потайным ходом прочь от дома Романовых. Наконец, юноша добрался до выхода. Отворив тайник, он выбрался на ружу, тяжело дыша. Ноги подкашивались, голова кружилась. Свежий воздух соснового леса дыхнул в ноздри. Юрий чихнул и протер глаза.

Теперь он был в безопасности, стоя один среди темного леса. Над головой качались ветви сосен, где-то недалеко ухала сова. Было страшно. Дрожа от холода, молодой человек неуверенно ступал по земле, не имея понятия, куда идти теперь. Возвращаться в Москву никак нельзя, ибо там его ждет виселица, идти в отчий дом в Галич тоже не хотелось. Нужно начинать все сначала.

Мысли одна за другой рождались в голове, а ноги брели по хоженным и нехоженным тропам мимо селений и постоянных дворов.

Однажды поздно вечером, когда на небе появилась луна, в дом, где жила Варвара с Василием кто-то тихо постучал в окно. Женщина поначалу подумала, будто это ветви скребутся о стекло, но стук, только более настойчивый, повторился. Женщина, боязливо вглядываясь во тьму, громко крикнула:

– Эй, кто там?

– Матушка, это я, – раздался знакомый голос.

У Варвары на глазах выступили слезы. Прижав ладони к сердцу, она распахнула дверь и ринулась к Юрию, который стоял под проливным дождем, кутаясь в выцветший, в нескольких местах порванный плащ. На голову был накинут большой капюшон. Женщина с криком радости прижала старшего сына к себе и, целуя его лицо, промолвила:

– Сыночек мой, мой родной, солнышко мое ненаглядное! Ты ли это?

– Я, матушка, я, – ответил он, смахивая слезы.

– Ты весь замерз. Проходи в дом, сейчас согреешься, мой родной, – Варвара заботливо сняла плащ с плеч сына и усадила его за стол.

Накормив его досыта, она долго разглядывала Юрия.

– Как ты вырос, как изменился, – проговорила она, – а твои волосы... Теперь они каштановые, не светлые как раньше.

– Да, матушка, потемнел малость, – с улыбкой ответил юноша, ему так было хорошо, так спокойно дома, но он знал, что нельзя более оставаться тут.

– Я так рада снова видеть тебя. Теперь нас станет трое. Ты, я да Вася.

Юрий вдруг потупил взгляд и глубоко вздохнул. Не хотел он расстраивать мать, но и молчать не было смысла.

– Я должен идти.

– Как? Ты не останешься? – воскликнула Варвара и снова заплакала.

– Увы, нет. Мне вот-вот исполнится двадцать годков, нужно встать на ноги, да и о вас потом позаботиться, – с этими словами юноша прошел в сени и накинул дорожный плащ.

Сердце его разрывалось от тоски и боли. Он осмотрел дом, в котором родился и вырос, посмотрел на стоящую рядом мать, и у него возникло такое чувство, будто видит он все это в последний раз. Женщина собрала полные седельные сумы как в тот раз, да только не хотела

отпускать сына, будто на прощание плакала она, не в силах сдержать дрожь. Юрий положил руку ей на плечо и, обняв ее, проговорил тихим голосом:

– Матушка, ты только не плачь, прошу тебя. Я выбьюсь в люди и все наладится, все будет хорошо, вот увидишь.

– Юшка, родной сыночек мой, – ласково сказала она, глядя загрубевшими от тяжелой работы ладонями его щеки.

Молодой человек не хотел тянуть время. Чем дольше прощаешься, тем тяжелее расставание. Накинув капюшон на голову, он еще раз обнял мать и торопливыми шагами отправился дальше в путь. Варвара не скрывала громких рыданий, предчувствуя, что больше никогда его не увидит.

Глава 3. Чудов монастырь

Рано утром раздался звон колокола. Еще только солнце окрасило лучами небосклон, а в монастыре уже все проснулись. После совершения всех необходимых обрядов все собирались в большой комнате, где им подносили трапезу, приготовленную монастырскими поварами. Ели молча, никто не произносил ни слова. В тишине слышались лишь скрип стульев да удар ложек о тарелки.

После утренней трапезы каждый занимался делом. Свободного времени практически не оставалось из-за бесконечных обязанностей. Жили в монастыре и седобородые старцы, и юнцы, у которых еще не росли усы. Монастырь этот назывался Чудов, и находился неподалеку от Кремля. Это было привилегированное место, никто не попадал туда случайно; и многие их монахов и дьяков, бывшие бояре и дворяне иной раз, подстригались там не по доброй воле.

Не любил Борис Годунов священнослужителей из Чудова монастыря, все время боялся чего-то: то ли заговора, то ли бунта. Чувал он, опасность рождалась в стенах этого темного здания, вот потому-то он и приказал тайным соглядатаем следить за всем, что там происходит. «Змеиное логово», так Годунов называл Чудов монастырь, с тревогой поглядывая каждый раз на его стены из царских палат.

Молодые монахи и послушники, обучаясь в монастырской школе, иной раз, вопреки замечаниям, собирались гурьбой и по долгу вели явно не религиозные беседы, шутили, смеялись. Лишь один человек из них, молодой, темно-рыжий, голубоглазый, белолицый, отличался ото всех. Никогда не принимал он участия ни в играх (играли тайно в палочки), ни в шутках, ни в веселых разговорах. Задумчивое, грустное всегда было его лицо, никогда он не улыбался, словно какая-то тревога тяготила его. Остальные юнцы всякий раз косо поглядывали на этого странного молодого человека. В тайне они не долюбливали его, смеялись за его спиной, называя то разноруким, то бородавчатым. Но он словно не замечал ни насмешек, ни презрений. Каждый раз, вставая на колени во время молитвы, он покорно складывал руки и тихо шептал:

– Господи, помоги мне освободиться от оков, помоги освободить душу от тревог, что все время одолевают меня.

Лучи света, пробивавшиеся из маленького решетчатого окошка, освещали коленопреклоненного Григория Отрепьева.

Сколько он исходил мест, прежде чем очутиться в Чудовом монастыре по протекции своего деда Замятни, который просил разрешения принять внука в обитель, мотивируя это тем, что Григорий является дворянином, хоть и обедшевшим.

После того, как Отрепьев простился с матерью на крыльце дома, то долгое время бродил из одного монастыря в другой. Поначалу он пожил в Железнодорожном монастыре, где и подстригся, взяв имя Григорий. Затем побывал в суздальском Спасо-Евфимьеве монастыре. Но жизнь там не понравилась молодому монаху, которого влекли неизведанные дали.

Когда Романовы снова оказались под милостью государя, Григорий решил вернуться обратно в Москву. Благодаря своим способностям, о которых узнал сам архимандрит Пафнутий, он, еще такой молодой, получил сан дьяка.

Каждый день Отрепьев проводил время за написанием книг. Никто не знал, о чем он пишет, пока он сам не показал Пафнутию свой труд. Архимандрит, пробежав глазами по листам, резко уставился на молодого дьяка и хриплым голосом спросил, не скрывая удивления:

– Григорий, это ты сам сочинил?

– Да, – чуть склонив голову, ответил тот.

– Это... это удивительно! Ты сочинил каноны святым. Это должен увидеть сам патриарх.

Григорий стоял, не в силах вымолвить ни слово. Его руки тряслись от напряжения, в висках стучала кровь. Только поверить, сам патриарх примет его!

Вскоре произошло действительное чудо. Никому доселе неизвестный дьяк по имени Григорий Отрепьев стал личным секретарем патриарха Иова, который, пораженный талантом и красноречием молодого человека, взял его к себе. С тех пор больше никто не смел посмеиваться над странным молодцем. Кто-то в тайне завидовал, кто-то восхищался им, но равнодушных не осталось никого.

Когда-то, еще в детстве, хотелось Григорию взглянуть хоть мельком на царские палаты, посмотреть на высоких бояр да самого государя. И вот мечта оказалась явью. Стал брать его с собой патриарх в царские палаты. Интересно было Григорию, поражался он той роскошью, что окружало его. Издали он видел Годунова и никак не мог понять, почему этот человек, обладая властью, несметными сокровищами, столькими землями, выглядел несчастным и уставшим. Глаза царя под нависшими веками смотрели тускло на собравшихся, казалось, он даже не замечает, что творится вокруг.

Григорий, стоя чуть поотдаль за плечом патриарха, все норовил лучше рассмотреть Годунова, но его все время отталкивали люди более значимые по чинам. Молодой человек в конце концов просто затерялся со своим маленьким ростом среди высоких бояр, которые даже не замечали его. «Хоть бы увидеть государя, пусть чуть-чуть», – думал про себя молодой дьяк, не оставляя попыток пробиться поближе. Тут его кто-то больно схватил за руку и оттащил назад. Это был патриарх Иов. Грозно взглянув на своего секретаря сверху вниз, старик погрозил пальцем и тихо сказал:

– Чего рвешься? Встать за моей спиной и не высовывайся!

Престыжанный Григорий с опущенной головой исполнил приказ и больше не пытался прорваться вперед, он лишь внимательно разглядывал собравшихся и думал: «Ах, если бы я был царем и жил бы в роскоши. Тогда вся Русь пала бы к моим ногам!»

В это время, когда Отрепьев вместе с патриархом Иовом присутствовали при дворе государя, в большую келью, пахнущую ладаном от множество воскуряющихся свечей, вошел послушник. Низко поклонившись архимандриту Пафнутию, юнец сказал:

– Он пришел и хочет видеть тебя.

– Хорошо, – ответил старец и потер большие, жилистые руки, – пусть войдет.

Послушник вышел за дверь, через некоторое время он снова появился вместе с неизвестным человеком, закутанном в мешковатый черный плащ. Лицо вошедшего скрывал большой капюшон, тень которого не позволяли увидеть, кто это. Архимандрит с улыбкой поприветствовал вошедшего, явно уже давно дожидаясь его прихода, потом дал знак послушнику удалиться. Когда они остались вдвоем наедине, незнакомец присел напротив Пафнутия и тихо спросил:

– Нас никто не подслушивает?

Архимандрит воровато поглядел по сторонам, словно боясь предательского удара, но ответил так:

– Не волнуйся, все в порядке. Я приказал никому и близко не подходить к моей двери.

– Хорошо, – проговорил незнакомец, – тогда я бы хотел узнать побольше о том, кого мы готовим для главной роли. Ведь свергнуть узурпатора Годунова не так-то просто.

– На этот счет можешь не волноваться. Сей претендент как никто иной подходит для роли царевича Димитрия. Он довольно смышлен и грамоте обучен. Кроме того, сам его облик говорит о явном благородном происхождении. Конечно, его нужно немного подучить, но, главное для нас, сделать все возможное, чтобы народ поверил ему и пошел за ним.

– Но всем же известно, что настоящий царевич уже много лет покоится в гробнице. Не думаешь ли ты, что найдется кто-то, кто сможет подтвердить это?

– Да, и я, и ты знаем, что случилось тогда в Угличе. Ты же сам занимался разборкой того преступления и твои люди сумели поймать убийц Димитрия. Но люд легко внушаем, тем более, что Годунова многие ненавидят. Сколько горя принесло его царствование, посмотри вокруг, везде голод и мор, по дорогам ходить опасно – везде рыщут шайки разбойников. Как ты думаешь, поверят они, если мы сами подтвердим, будто царевич Димитрий Иоанович воскрес из мертвых, дабы покарать тирана Бориса, этого потомка татаров.

– Стало быть, воскресший царевич появится на Руси аки бич народный. Чудно, Пафнутий, чудно. Но мне бы хотелось знать, не разоблачит ли нас кто-нибудь из монахов или иных священнослужителей, кои лично знакомы с твоим претендентом? Ведь лишь один неверный шаг, и наше дело пойдет ко дну. А мы все отправимся в лучшем случае в ссылку или, что наиболее вероятно, сразу на плаху. Нужно все хорошенько подрасчитать, ибо если...

– Не волнуйся, этот человек слишком умен не по летам. Он поймет, какое дельце затевается и сам согласится на все, лишь бы остаться в живых.

– Как он выглядит твой «царевич»? Похож ли он хоть чуточку на настоящего Димитрия?

– Он низок ростом, коренаст, широкоплеч, у него темно-рыжие волосы, голубые глаза, большой нос. Он статен и хорошо сложен, белокож. У него две бородавки: одна на носу под правым глазом, другая на лбу, руки разной длины.

– Не очень-то и похож.

– Да ладно. Царевич Димитрий умер еще ребенком, кто знает, как может измениться внешность по прошествии времени?

– Хорошо, тогда я вручаю тебе вот это, – с этими словами незнакомец достал из седельной сумы завернутый в шелковый платок лист бумаги, – Пафнутий, сначала раскрой и прочти, а затем отдай все это тому, кого потом будут называть царевичем.

Архимандрит трясущимися руками схватил послание и быстро развернул его. Из письма выпал большой золотой крест, весь усыпанный драгоценными камнями. Естественно, такое не мог носить простой смертный, ибо стоил сей крест огромные деньги. Пафнутий аккуратно положил крест на платок и спросил:

– Отрепьев будет хранить все это до поры до времени?

– Да, пусть тоже прочитает письмо, выучит то, что нужно говорить, а потом вели ему отправляться в путь.

С этими словами незнакомец еще плотнее закутался в плащ и словно черная птица выбежал из кельи, оставив Пафнутия наедине с самим собой.

Вечером в трапезной за длинным столом сидели два монаха: один средних лет, другой седовласый старик. Откусывая хлеб они вели довольно странную для таких мужей беседу:

– Слышал я, будто в нашем монастыре живет ни кто иной как сам царевич Димитрий.

– О, Господи, – перекрестился тот, что помоложе, – да полно тебе слухи собирать. Чур тебя!

– А вот я сам лично видел, как Гришка тот всем и рассказывал, будто он и есть чудом спасшийся Димитрий Иоанович.

– Отрепьев что ли? Да ладно, ну мелет языком да пусть мелет, рано или поздно за такие слова государь наш батюшка голову ему снесет.

– Ты мне не говори такого, я и сам не верю Гришки. Уж больно он подозрительный малый.

– О чем это ты?

– А о том, что думается мне, будто он связан с темными силами, наверное, сам дьявол помогает ему.

– С чего ты это решил?

– Да это и так ясно. Ты посмотри, как Отрепьеву учеба легко давалась. За что бы ни взялся, во всем преуспел. Остальные месяцами учились, трудились, а ему одного дня хватало. Не может быть такого, чтобы человек преуспел по всем предметам: и счет, и язык старославян-

ский, и учение Святого Писания. Пойми, дело от Бога в тяжком труде и поте лица достается, а тут происки дьявола ни как иначе.

– Хватит тебе языком чесать да речи богохульные нести. Ты, старец, седеной меченый, не возводи хулу на человека, коль завидно его успехам.

Старик поперхнулся хлебом, но промолчал. Но вдруг проговорил:

– Отрепьев этот, которого ты защищаешь, жрет словно челядь боярская! За один раз за десятерых съедает все, вот аппетит.

– А ты сам ешь молча да рта не разевай, тогда и тебе кое-что останется.

Старый монах только хотел было ответить на едкое замечание, как вдруг в трапезную, тяжело ступая, вошел тот, о ком они только что вели беседу. Григорий устало плюхнулся на стул и налил себе похлебку. Оба монаха уставились на него: ничего не было страшного и опасного в этом так мирно сидящем молодом человеке с милovidным, симпатичным лицом, которого не портили даже большие бородавки.

«Обо мне сейчас говорили, не иначе», – подумал юноша, хлебая суп и заедая хлебом. И пока он ужинал, два монаха не произнесли ни слова, будто ждали, когда тот первым заговорит. Но Григорий слишком устал, чтобы вступать в спор. Наевшись, он слегка улыбнулся и, пожелав им спокойной ночи, удалился.

– Вот какой! – проворчал старик. – Еще молоко на губах не сохло, а уже важничает, нос ото всех воротит.

– Да ты ешь спокойно, а то снова без ужина останешься, – ответил другой, явно забавляясь беседой.

Глава 4. Побег

Прошло, казалось, несколько дней, а жизнь Григория изменилась, повернувшись к нему другой стороной. Все началось с того, что однажды поздним вечером, когда все легли спать, у нему вошел один из монахов и приказал бесшумно двигаться следом за ним. Накинув темную мешковатую рясу, Отрепьев двинулся следом со своим путеводителем, который, освещая дорогу одной лишь свечой, провел его во внутренний двор, где обычно никого не было в такой поздний час.

Полная луна ярко освещала землю словно солнце, ветви деревьев тихо скрепели под порывом ветра. Было холодно. Кутаясь в шерстяную одежду, Григорий остановился и взгляделся вдаль.

– Иди туда, – тихо прошептал ему на ухо монах, – там тебя уже ждут.

Но слова не говоря, молодой человек пошел туда, куда указал его путник, который словно призрак исчез во тьме, перед этим погасив свечу. Григорий остановился и вдруг увидел высокую, сухопарую фигуру Пафнутия, который бесшумно подошел к нему и тихо сказал:

– Приветствую тебя, будущий царь всея Руси.

– Я... я не понимаю, – проговорил юноша и задрожал всем телом, кровь прилила к лицу, от чего стало жарко.

– Не бойся, а просто выслушай, ЧТО тебе следует знать, иначе и ты, и я, и те, кто посвящен в нашу тайну, окажемся на плахе.

– Что мне следует знать? – не своим голосом спросил Отрепьев.

– Знай, что ты спасенный царевич Димитрий Иоанович. Твой воспитатель спас твою жизнь в тот роковой день, подменив тебя. Вместо царевича был убит другой мальчик, сын попа, а самого тебя под видом бедного сиротки увезли далеко на север, потом после смерти твоего спасителя тебя взяли на воспитание Отрепьевы, для которых ты стал словно родным сыном.

– Но, это... это невозможно! Мы с моим младшим братом Васей похожи, даже очень. Иной раз нас даже путали соседи.

– Молчи! – злобно прошептал Пафнутий, его голос напоминал шепот змеи. – Все, что ты знал раньше, забудь! Мы-то знаем прекрасно, что ты и есть родной сын Богдана, просто с этого времени ты становишься другим человеком. Ты – царевич!

– То есть мне предлагают сыграть роль Димитрия?

– Да. Ты прав. Пойми, сейчас поставлено слишком много, чтобы отказываться от дерзкого плана. Не волнуйся, среди наших сторонников много бояр во главе с Василием Шуйским, не забывай и о своих бывших господах Романовых, которые не прочь свергнуть Годунова.

– Значит, мне придется стать вашим орудием по свержению неугодного царя? А что, если я откажусь? Пойми, отче, я не могу поступить так.

– Как так? – удивленно воскликнул архимандрит.

– Я не могу отказаться от своих родных, от матери, от памяти отца. Я боюсь.

– Нет, мой милый, – Пафнутий дал знак и из укрытия вышел закутанный во все черное человек.

Григорий испугался. Он озирался по сторонам, гадая, куда можно убежать в случае опасности. Но тайный убийца опередил его, подойдя сзади и схватив его за волосы. Потянув голову юноши на себя так, что на горл выступил кадык, человек в черном приложил к его сонной артерии нож. Григорий боялся пошевелиться, зная, что его жизнь висит на волоске. Как же так? Неужели святые отцы погрязли в грехах и скверне, что готовы так просто решиться на государственный переворот. Но делать было нечего. Юноша что-то пролепетал в знак покорности.

– Так ты согласен занять место узурпатора Бориса Годунова, который незаконно присвоил себе трон, не являясь потомком Рюриковичей?

- Да... я... я согласен, – с дрожью в голосе ответил Григорий, по его щекам текли слезы.
– Вот и хорошо, мой мальчик, – Пафнутий дал знак убийце удалиться.

Оставшись вдвоем, архимандрит протянул молодому человеку свернутый лист бумаги, в котором блестел при свете луны крест удивительной красоты. Невольно Отрепьев залюбовался им, в его памяти всплыли воспоминания о царских палатах, почестях, оказанных государю и в его голове родилась мысль: «А правда, чего это я отказываюсь? Да любой был бы счастлив, окажись на моем месте. Только подумать – я сам государь всея Руси! Такое только в мечтах мне и снилось!»

– Я согласен принять имя царевича Димитрия и захватить трон, – уже высокомерным тоном произнес Григорий.

– Дай мне руку, государь, – старик взял его ладонь в свою, сжал и ответил, – отныне имя твое Димитрий Иоанович, ты будущий царь!

Всю оставшуюся ночь молодой человек не мог заснуть. Он то и дело перечитывал письмо, в котором содержалась инструкция, как себя вести, что, где и кому говорить. Но главное, что никому он не должен открывать своего царского происхождения до тех пор, пока не пересечет он границы русского государства. Решено было идти сначала в Литву, а затем в Польшу – Речь Посполитную и заручиться поддержкой любого, кто готов не только поверить в том, что он и есть царевич, но и помочь занять отчий престол.

Прохаживаясь из угла в угол, Григорий заучивал наизусть свою «историю спасения», ибо ошибись он хоть в чем-то, быть беде. Последующие дни он почти ничего не ел и не пил, так сильно было его волнение. Те, кто хорошо знал Отрепьева, были поражены изменениям, происходящим с ним. Однажды за разговором он вдруг спросил:

– Что вам известно о царевиче Димитрии?

Один из монахов перекрестился и ответил:

– Погиб он от рук злодеев в возрасте десяти лет. Упокой Господь его душу.

Остальные тоже перекрестились. А Григорий проговорил:

– А что, если царевич жив здоров и сейчас проживает где-то в Москве? А?

– О чем это ты говоришь? – воскликнул в ужасе один из монахов.

– А то, что убили-то вовсе не Димитрия, а другого мальчика, а сам царевич спасся от рук убийц и долгое время проживал со своими покровителями далеко на севере.

Присутствующие переглянулись. Кто-то даже поперхнулся от услышанного.

– Откуда тебе это известно, Григорий? – спросил молодой послушник. – Уж не ты ли чудом спасшийся царевич?!

– А если и я, то что с того? Всем же известно, что Годунов узурпировал власть незаконно, не являясь потомком Рюриковичей, в то время, как законный наследник престола прозябает в нищете и лишениях. С чего вдруг во время правления нынешнего государя сейчас повсюду бушуют голод и неурожай, люди умирают от голода, на дорогах стало опасно. Уж не сам ли Господь карает Годуновых за все злодеяния? – Отрепьев говорил лишь то, что ему следовало говорить. Сам Пафнутий дал приказ разнести повсюду сплетни о чудесном спасении царевича, но таким образом, чтобы это оставалось загадкой, дабы возмутить жителей Москвы.

Однажды глубокой ночью ему приснился странный сон, будто он, одетый в златотканые одежды, сидит на троне, а его руки с белыми, тонкими пальцами, унизанные перстнями, держат знаки власти: скипетр и держава. А внизу, на самой земле, стоят коленопреклоненные люди, и насколько хватало глаз, до самого горизонта люд держал головы склоненные в знак покорности. Григорий резко проснулся, обливаясь холодным потом. Он потрогал кисть руки там, где бился пульс, и провел пальцем по вене. «Я царевич! – ликовал он. – Я истинный царевич!» С этого момента молодой чернец уже не сомневался в своем «царском происхождении».

Слухи о чудесном спасении Димитрия волной прокатились по Москве. Люди перешептывались в своих домах, гадая, как такое может случиться, если мать царевича Мария Нагая

оплакивала сына у его гроба? Неужто и правда был похоронен другой мальчик? Даже о голоде народ позабыл. Иной раз случались стычки между противоборствующими сторонами: одни с нетерпением ожидали прихода Димитрия Иоановича, другие искренне поддерживали Годунова, не веря в «чудное спасение».

Царь Борис Годунов поначалу скептически отнесся к подобным слухам: чего только не услышишь от простолюдинов. Но потом, когда и многие бояре стали ожидать законного сына Ивана Грозного, царь решил принять меры. Ему донесли, что сей слух распространяет чернец Григорий Отрепьев, что жил в Чудовом монастыре. Государь в гневе приказал схватить этого юнца и отправить в ссылку.

Дед Отрепьева Замятни, прознав, что его внуку грозит опасность, тайно встретился с ним и сказал:

– Бежать тебе надо, мой родной, из Москвы. Годунов ищет тебя. Не дай Бог на кол посадит.

– Куда мне бежать, деда? – со слезами на глазах прошептал молодой человек и положил голову на колени старика.

Замятни ласково пригладил рукой его волосы, едва сдерживая слезы. Он любил внука, не хотел ему зла, вот и решил он поговорить с архимандритом Пафнутием о дальнейшей судьбе Григория. Было решено, чтобы тот немедленно покинул в Москву и на какое-то время скрылся бы от глаз тирана Годунова.

22 февраля 1602 года во время Великого Поста Григорий повстречал на Варварке монаха, который, кутаясь в теплый шерстяной плащ, прохаживался туда-сюда. Молодой человек подошел к нему и спросил:

– Добрый день, отец.

Тот будто бы очнувшись ото сна, поначалу растерялся и, взглянув на незнакомца сверху вниз, ответил:

– Здравствуй, сыне, с чем пожаловал?

– Да вот... говорят о тебе, будто ты хочешь паломничество совершить да от дел мирских и забот освободить душу свою.

– Ты прав, давно я желаю уйти куда-нибудь в глушь или городок маленький, поселившись в отдаленном монастыре, да только вот... боюсь идти один. На дорогах нынче опасно, – простодушно ответил монах.

– Я бы тоже ушел, хоть сейчас, – живо отозвался Григорий и его лицо залил румянец.

– Сколько же тебе лет и кто ты? – вдруг поинтересовался высокий монах.

Юноша чуть помедлил, явно собираясь с мыслями, но потом живо проговорил:

– Служу я в Чудовом монастыре при патриархе Иове, но славы мирской я не только не желаю, но даже слышать о ней не хочу.

– Погодь... Так ты утверждаешь, что служил при патриархе Иове? НЕ ты ли внук Замятни?

– Да, это так. Но не желаю я более оставаться в Москве, где столько соблазнов. Душа моя стремится в Чернигов, там есть монастырь, куда я зову тебя.

– В Чернигов? Но ежели ты жил у патриарха в Чудовом монастыре, то не привыкнуть тебе к черниговскому, ибо место то не такое роскошное, как здесь, – с удивлением и некой подозрительностью ответил монах.

Но Григорий, широко раскрыв глаза, воскликнул:

– Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли. А потом, поживя в Киеве, пойдем во Святой город Иерусалим ко Гробу Господню, – при слове Иерусалим у Отрепьева расширились зрачки, от чего его голубые глаза стали почти черными.

Но монах, покачав головой, возразил:

– Кабы так, да только Печерский монастырь ныне за рубежом, в Литве, а за рубеж идти сейчас трудно.

– Все не трудно! – живо ответил юноша. – Государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет.

– Ну... коль так, то... Ай, ладно, пойду с тобой, хоть мир погляжу да на иных людей. Всю жизнь прозябать здесь что ли? Ах да, чуть не забыл, зови меня Варлаам. А как тебя звать?

– Зови меня Григорий, – ответил тот и тут же сказал, – завтра встретимся в Иконном ряду после обеда, – с этими словами он развернулся и ушел, растворившись в толпе.

На следующий день в положенном месте Григорий уже поджидал Варлаама вместе с другим путником, имя которого было Мисаил, бежавший как и он сам из Чудова монастыря. Пока оба монаха ожидали приход третьего, возле них то и дело ходил взад-вперед какой-то маленький супленький старичек с козлиной бородкой. Одетый в лохмотья, он то и дело крестился и просил дать ему подаюния. Народ молча бросал ему монеты и уходил, явно предполагая, будто он юродивый или прокаженный. Спрятав за пазухой монеты, старик подошел к Отрепьеву и долгое время смотрел на него. Потом дернув того за полы длинного теплого плаща, промолвил:

– Сыне, дай монетку.

Григорий взглянул на него сверху вниз из-за плеча и ответил:

– Уйди, старик, нечего мне дать тебе.

Юноша брезгливо сморщил нос, ибо от старика ужасно пахло. Прокаженный покачал головой и ответил:

– Идет погибель от тебя, добрый молодец. Не к добру ты на Руси родился.

– О чем ты говоришь, старик? Убирайся!

– А, с дьяволом самим в сговоре, – нищий перекрестился и поднял руки к небу, словно взывая к Богу о помощи.

Тут к своему спутнику и пришел на помощь Мисаил, которому все же удалось прогнать старика. Наконец, оставшись вдвоем, Мисаил спросил:

– Так где же наш третий товарищ?

– Я не знаю... Он, я думаю, сейчас придет, – и только он проговорил, как увидел идущего к ним Варлаама с котомкой на плече, – так вот же он!

Григорий несказанно обрадовался монаху, который немного задержался. Наконец, наши путники поклялись, что не оставят друг друга в беде и тронулись в путь на запад, в сторону Литвы. Бредя с Варлаамом и Мисаилом, Отрепьев едва сдерживал себя, его сердце колотилось в груди, словно желая выбраться на ружу. Тот путь, по которому он отправился навстречу новой судьбе, перевернула его жизнь навсегда.

Через несколько дней трое путников добрались до Новгорода Северского, где они остановились в Преображенском монастыре. В этом монастыре Григорий, до этого державшийся в тени как самый молодой, спросил однажды настоятеля:

– Скажи, отче. А далеко ли литовская граница?

– Нет, три дня пути, сыне. А что тебе до Литвы?

– Хотим мы со спутниками уйти на покой в Печерский монастырь и придаться до конца жизни вере.

– Это правильно. Богу одному нужно служить, а все остальное суета сует.

На следующий день рано утром Григорий разбудил Варлаама и Мисаила, приготовившись снова отправляться в путь.

– Не волнуйтесь, – ответил он, – я нашел проводника, он покажет нам дорогу.

Проводником оказался монах средних лет, одетый в потрепанную рясу, что свидетельствовало о его частых странствиях. Идя следом за ним через леса и поля, Григорий заметил про себя, что сей монах не раз ходил до границы с Литвой, ибо шел уверенно, рассказывая,

где охраняются границы, а где нет. Ровно через три дня путники добрались до высокого холма, с вершины которого открывался живописный вид на лежащие вдалеке леса.

– Там, – проговорил проводник, – прямо под нами начинается Литва. Дабы не быть замеченным, идите через лес, застав там точно нет. А как пройдете дальше, будет там стоять кормча, где можно славно пообедать.

– Кормча? – удивленно переспросил Мисаил. – А ежели начнут спрашивать, кто мы и откуда?

Но монах, едва сдерживая усмешку, ответил:

– Да нет никому дела до путников. Говорю же, кормча стоит прямо у дороги, по которой кто только не хаживает. Там таких странствующих монахов каждый день по несколько человек отдыхают.

Григорий на прощание протянул руку проводнику и сказал:

– Благодарю тебя, спасибо за помощь твою, – с этими словами он достал из-за пазухи несколько монет и протянул монаху. Тот живо схватил награду и, раскланявшись, побежал обратно, даже не оглядываясь назад.

К юноше подошел, важно ступая, Варлаам и озадачиво промолвил:

– Что это он так быстро ушел? Какой-то подозрительный больно. Боюсь, как бы не рассказал о нас никому.

– Не волнуйся, брат, – ответил Григорий, хотя внутри весь напрягся, – я заплатил ему, будет держать язык за зубами.

Спустившись вниз с холма и войдя в лес, три монаха пошли по нехоженным тропам, сторонясь главных дорог, по которым могли прохаживаться солдаты из застав. Ночевали тут же в лесу. Разведя костер и согревшись, путники легли спать. Пробудил их страшный холод, сковывающий члены. Зябко кутаясь в плащ, Григорий холодными трясущимися руками кое-как развел костер, подбросив в него немного сухих веток. Подогрев воды из фляжки и перекусив хлебом, путники тронулись дальше.

– Такой холод! – проворчал Варлаам. – У меня пальцы на руках заоченели.

– А ты разомни, согрей дыханием, – отозвался Мисаил, весь посиневший от холода.

Григорий молча шел впереди, высокого поднимая ноги. Ему также как и остальным было холодно, но что могло это для него значить, когда цель стала совсем близкой? После перехода через границу в Литву молодой человек стал более задумчивый, более грустным. Думы одна за другой лезли в голову, а ответов на вопросы так и не было: куда идти, у кого просить защиты, кто ему поверит, как запоручиться поддержкой? Иногда, укладываясь спать, ему хотелось все бросить и бежать обратно на Русь, спрятаться, пожить какое-то время в одном из самых отдаленных монастырей, а потом чуть позже вернуться в отчий дом, снова увидеть мать и брата, обнять их, но воспоминания о той ночи, когда его чуть не лишили жизни, останавливали Григория от подобного шага. Нет, не за себя он боялся, не за свою жизнь, а за тех, кого он любил больше всего на свете; да к тому же в Чудовом монастыре под присмотром Пафнутия находился родной дедушка, который, возможно, и знал обо всем, не даром он сам снабдил внука провиантом на дорогу, дал денег на случай, если что-то понадобится. Нет, решено! Если уж его выбрали на роль царевича, значит, так тому и быть.

– Эй, ты чего молчишь все время? – раздался голос Мисаила.

Григорий очнулся от своих мыслей и спросил:

– Это ты мне?

– А кому же еще, – весело проговорил монах, – мы тут с братом Варлаамом идем, греем друг друга рассказами, а ты идешь молча, будто в рот воды набрал и даже не смотришь в нашу сторону.

– Прости, мне просто очень холодно и спать хочу, – ответил равнодушно юноша.

– Отстань от него, – возразил Мисаилу Варлаам, – это мы уже старики, нам бы только языками молоть. А он-то поди молод совсем, лет двадцать, не больше. Мечтает о чем-то. Ведь так, Григорий?

Молодой человек дернулся и, обернувшись к путникам, ответил:

– А даже если и мечтаю...

Но монах, явно посмеиваясь над ним, поинтересовался:

– А о чем ты мечтаешь? Можешь сказать.

– О девицах, о чем же еще! – ответил за Григория Мисаил и громко расхохотался. – Парень-то смотри какой видный! И лицом пригож, и статью не обижен. Так ведь, Гриша, верно говорю?

Григорий усмехнулся, раздраженный тем, что его постоянно отвлекают, а вслух ответил:

– Возможно, ты и прав.

– Кто она? – не удержался от расспросов Варлаам.

– Кто? – не понял молодой человек.

– Девица. Ну ладно, сейчас мы-то далеко, в стране чужой. Расскажи, в кого ты влюблен, по ком так часто вздыхаешь?

Григорий засмеялся, показывая свои белые, ровные зубы. Он смеялся над глупыми расспросами, над низменными помыслами путников, ведь они даже не догадывались, КТО идет рядом с ними. Наконец, перестав смеяться, юноша ответил:

– Да никто мне не нравится, просто оголодал я в пути, сил больше нет. Вот сейчас выйдем на большую дорогу, отъедемся в харчевне, тогда и повеселюсь вместе с вами.

– Ишь ты, какой! – проговорил Мисаил. – Молод еще, а как скажет, так не знаешь, что и ответить.

Григорий усмехнулся и отвернулся.

Прошло несколько часов. Лес кончился и путникам открылась та самая дорога, у которой стояла кормча. Трое монахов весело переглянулись и, позабыв о холоде и усталости, быстрым шагом дошли до харчевне, откуда исходил запах жареного мяса. От голода у Григория свело желудок. Расстегнув полы плаща, он первым вошел в кормчу и поприветствовал хозяина, невысокого тучного мужчину с большими седыми усами. Варлаам и Мисаил вошли следом за ним и поклонились хозяину, который, встав при виде гостей, и спросил, плохо выговаривая русские слова:

– Чем могу служить, мирные странники?

– Дай что-нибудь поесть, – проговорил Григорий и уселся у очага, вытянув руки над огнем.

– Это сейчас, – мужчина позвал кого-то с кухни, в трапезную вошла молодая девушка с большими толстыми щеками, – приготовь, Анушка, обед для гостей столь званых.

Девушка кивнула головой и ушла. Монахи уселись за деревянный стол и налили каждый себе по кружке горячего молока. Немного согрвшись и наевшись гусятины, они отправились снова в путь. Они были рады, что ни хозяин, ни его по видимому дочь не приставали к ним с расспросами.

Путь их лежал дальше, на запад, в сторону Киева.

Глава 5. Первое признание

В царских палатах было тепло от множества свечей. Луч солнца, пробивавшийся сквозь решетчатое окно, разделял большой зал на две части. Сводчатый раписной потолок, позолоченные подсвечники, резные деревянные колонны – все говорило о пышности и роскоши царского дворца. Но сам царь был не рад ни славе, ни богатству, ни власти. За последние несколько дней он осунулся, под глазами нависли тени, лоб прорезали множество морщин – словно много лет прошло, а не пару недель.

Еще тогда, когда в Москве объявился мнимый царевич Димитрий Годунов приказал своим лазутчикам изловить подлеца, осмелившегося взять на себя царское имя. Но тот словно в воду канул. Тогда было решено искать его за пределами Москвы где только можно, но поиски не увенчались успехом. Правда, поговаривали, будто кто-то видел трех монахов, шедших по направлению к Литве, но царь не придал этим слухам никакого толка: мало ли странствующих монахов да бродяг ходят по русской земле.

Борис Годунов созвал думу, состоящую из бояр, духовенства и старших среди военных командиров. Долго обсуждали вопрос о поимки самозванца, но так ни к чему не пришли, словно для них лучше было бы видеть на троне неизвестного молодого беглеца, а не его, Годунова. Отпустив всех, государь стал прохаживаться по палатам, а в голове стоял один и тот же вопрос: кто мог научить молодца, кто стоял за всем этим? Ясно, что сам молодой человек, которому всего лишь двадцать лет, не мог сам решиться на подобный шаг, скорее всего, за его спиной стоял могущественный покровитель, тот, который давно мечтал повергнуть нынешнего царя в прах. Сначала подозрения Годунова упали на бояр, в особенности на семью Романовых, которые до сих пор не могли простить ему опалы, к тому же, самозванец когда-то служил при их дворе, и они этим могли воспользоваться. Затем под подозрение попали иностранцы, бывшие тогда в Москве, и мечтающие о разрушении Руси.

«А, может быть, – думал Борис, – может быть, к этому причастны и другие люди?» И только он об этом подумал, как где-то неподалеку зазвенел колокол. Царь подошел к окну и глянул вдаль, его взор упал на крышу Чудова монастыря, что ярко блестела на солнце. Годунов вздрогнул, это был знак. Так вот от куда выползли змеи? Изменники в рясах, бунтовщики! Недаром еще Иван Грозный не любил священнослужителей Чудова монастыря, ибо там подстригались опальные бояре да дворяне, и чаще всего, не по доброй воле.

– Так вот он откуда, Иуда! – сказал вслух Борис и потер левой рукой бороду.

Да, так и должно было случиться. Многие монахи ненавидели государя, вот почему в последнее время, как рассказывал патриарх Иов, происходило что-то непонятное. То один монах убежал, то другой. И нигде не видно было их следов. Но кто стоял за самозванцем? Каково имя этого мерзавца, дерзнувшего на государя своего? Годунов принялся мысленно перечислять имена всех тех, кто обладал хоть какой-то властью в монастыре. Вообще, заговорщиком мог стать любой, тот же Иов. Но нет, патриарх слишком умен и хитер, нет, не мог он поддержать самозванца. Тогда кто же? Снова раздался звон колоколов, народ на площади повалил в храм, крестясь перед его воротами.

Годунов отошел от окна и устало сел в резное кресло с золотыми ручками. Вдруг к нему, чуть ли ни бегом, ворвался командир стрельцов и с поклоном сказал:

– Государь, заставы поймали некоего человека, который рассказал, будто бы сам провел беглецов на границу с Литвой.

– Что?! – царь вскочил на ноги и, подбежав к командиру, спросил. – Где его поймали? Кто он?

Командир достал завернутый лист бумаги с печатью и ответил:

– Тут все подробно написано, мой повелитель.

– Я хочу знать здесь и сейчас, кто этот человек, каких беглецов и куда он провел?!

– Того бродягу, что изловили заставы, звать чернец Пимен, что из новгород-северского монастыря. Он-то и рассказал, будто сам лично провел троих монахов из Москвы до первого литовского села, а затем вернулся назад, но по дороге был пойман.

– А он не сказал, что за монахи такие были? – ровным голосом спрашивал Годунов, хотя сам внутри весь трясся.

– Да, сказал. Два постарше, третий совсем молодой, не больше двадцати лет. Тех, которые постарше, звать Варлаам да Мисаил. А молодого зовут Григорий, живший в Чудовом монастыре.

– Григорий?! Не тот ли это малый, что был некогда при патриархе Иове?

– Государь, прошу простить меня, но чернец Пимен больше ничего не мог сказать. Он даже не знал, куда и зачем шли те трое в Литву.

– Ясное дело. Скрывались от царской рассправы, – ответил Борис и усмехнулся, только радости не было.

Отпустив командира стрельцов, царь стал ходить взад-вперед, рассуждая сам с собой: «Значит, в Литву убежал собачий сын. Ну ничего, изловлю тебя и там!»

В висках снова появилась боль. Морщась от нее, Годунов скинул шапку Мономаха и пошел к себе в покои. Проходя мимо большой деревянной двери он остановился и прислушался: из комнаты доносился приятный женский голосок, поющий песню о любви. Царь прислонился к двери и закрыл глаза, по его щеке покатились слеза. Столько забот взвалилось на него в последнее время, что он забыл о своей семье: жене и детям. Столько дум, столько сил истратил он на самозванца, который уже был далеко, а тут, под рукой, росли свои чада. Отворив дверь, Годунов прошел в горницу и сел на большую скамью, покрытую шелковым покрывалом с бахромой. Молодая девушка с длинными до талии волосами, которые были заплетены в густую косу, сидела за работой: она вышивала картину с изображением птиц, сидящих на ветвях. При царе девушка встала и с поклоном опустилась на низенькую табуретку, поцеловав Борису руку.

– Как поживаешь, батюшка? – спросила она, поднимая большие карие глаза.

– Все дела да заботы, дочь моя, Ксенюшка, – Годунов положил ладонь ей на голову и пригладил шелковистые волосы.

Тут послышались шаги. В комнату вошли юный мальчик и женщина средних лет. При виде царя юноша вскричал от радости и бросился к нему.

– Отец, ты так долго не навещал нас! – радостно воскликнул Фёдор.

Царь широко улыбнулся, едва сдерживая слезы. Так вот, что значит счастье? Он видел рядом сына и дочь, супругу, которая села подле него и взяла его холодную руку в свою. На какое-то время Борис позабыл о недовольстве народа, о некоем иноке Григории Отрепьеве, которого пытался изловить и казнить, о злобных лицемерных боярах и священнослужителях, скрывающие за своей религиозностью подлые лица. Все это отступило назад, уступив место безмятежности и покою.

Вот перед ним умное, красивое лицо сына; вот скромница-девица Ксения, вот жена Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова. Ему так не хотелось возвращаться к прежним государственным делам, которые отняли у него последние силы. Но думы о «царевиче» вновь овладели им, и не в силах более сдерживаться, он взглянул на Марию и тихо спросил:

– Что мне делать?

– Утешься, мой супруг. Может быть, это всего лишь слухи, – ласково проговорила она.

– Нет, лазутчики поймали на границе с Литвой какого-то бродягу, который признался, что сам лично проводил беглецов до литовского селения. Что мне делать? Что? Самозванец уже зарубежом, мне не достать его. Боюсь, как бы он не заручился поддержкой таможенных князей, которые давно поглядывают в нашу сторону.

– Всем известно, что царевич Димитрий мертв. Ты сам приказывал Василию Шуйскому объявить на Лобном месте об этом как свидетелю расправы над мальчиком. Кто теперь поверить какому-то беглому монаху?

– В том-то и дело, что Шуйскому многие не верят, ведь он действует, как они говорят, в моих интересах. Кому они вообще поверят? В их глазах, некий царевич – это бич мой, расплата за грехи мои, вот почему я боюсь восстания, ибо если это случится, то прольется кровь, и кровь это будет моя, а за мной погибнете вы все.

– Если народ не верит Шуйскому, тогда пусть инокиня Марфа признается на площади о том, что ее сын жив. Вряд ли кто-то усомнится в ее словах.

– Ты думаешь, Нагая поможет нам? Она же ненавидит меня и будет только рада моему падению.

– И все же стоит попытаться призвать ее. Ведь вряд ли мать отречется от памяти покойного сына только для того, чтобы навредить тебе.

– Ты права. Стоит и ее пригласить сюда. Я сейчас же пошлю людей, дабы они привезли Марфу сюда к нам во дворец.

Стояла теплая погода. С берега доносился крик чаек да шум прибоя. На той стороне реки виднелись купола церквей да крыши домов. Киев. На берегу причалили рыбацкие лодки, мальчишки гурьбой бегали по берегу, подбирая на песке камешки. Вот и конец пути, к которому они так долго стремились. Трое странников, одетые в дорожные плащи серого цвета стояли на пароме, глядя вдаль. Один из них, молодой человек, прикрыл лицо большим капюшоном, словно боялся, что его мог кто-то приметить. Стоящий рядом монах с козлиной бородкой поинтересовался:

– Чего это ты Григорий прячешься словно девица? Неужто не хочется подставить лицо теплему солнцу?

– Нет, не хочу, – ответил Отрепьев и отвернулся.

– Мисаил, отстать от парня, пусть думу думает, – проговорил Варлаам, тоже, по-видимому, уставший от глупой болтовни Мисаила.

Григорий был благодарен Варлааму за поддержку. После того, как они перешли рубеж, его душа металась, не находя покоя. Ему все время казалось, что он сделал что-то не так, совершил какую-то непростительную ошибку. Засыпая, юноша вспоминал мать и слезы наворачивались на глаза при этих воспоминаниях. Как хорошо было в детстве, когда можно целый день безмятежно бегать по траве, срывать цветы, ловить птиц да плескаться в речке. С улыбкой посмотрел Григорий на мальчишек, что играли у причала, и подумал: «Десять лет назад я был таким же».

Киев поразил своим многолюдием. Здесь можно было заметить и русских в цветных рубахах, и поляков с литовцами в гусарских костюмах с длинными рукавами, и татар в войлочных шапочках, и православных попов, и иезуитов с тонзурами на голове. Казалось, все народы мира стеклись сюда, в этот город.

Григорий, следуя за своими товарищами, внимательно посматривал в разные стороны, будто ища кого-то. Особое внимание привлекли к нему группа казаков, сидевших поотдаль и играющих в шашки. Молодой человек еще раз обернулся в их сторону и его осенила какая-то мысль. Нагнав Варлаама, он сказал, чтобы он с Мисаилом шли в Печерский монастырь, а он потом придет сам.

– Не потеряешься? – спросил монах.

– Нет, – уверенно проговорил тот, словно был здесь не впервые.

Оставшись один, Григорий резко свернул в другую сторону и направился к казакам. Те сидели, громко смеялись да ели мясо, запрещенное во время поста. Вдруг они разом замолкли и усталились на подошедшего монаха, который присел рядом с ними и спросил:

– Позвольте, люди добрые?

– Ты кто такой? – заплетающимся языком поинтересовался один из них, скорее всего, атаман.

– Да вот, первый раз в Киев приехал, на поклон в Печерский монастырь. Смотрю, а у вас тут веселье, в пост мясо едите.

– Учить нас вздумал? – грозно спросил один казак с большим шрамом на лице.

– Да нет, братцы, завидую, – тут Григорий широко улыбнулся и, взяв кусок мяса, с аппетитом съел его.

Казак весело присвистнул и рахотался, явно насмехаясь над ним. Но юноша продолжал брать один кусок за другим, и когда чаша почти опустела, спросил:

– Вы не сердитесь за мой аппетит? Я только с дороги, есть сильно хотел.

– У нас этого мяса еще много, – ответил атаман.

– Послушайте, – вдруг молодой монах понизил голос и, наклонившись, спросил, – знаете ли вы о спасенном царевиче Димитрии?

– Знать не знаем, но слышали, слухи такие с Руси сюда уже добрались. Говорят, будто Димитрий восстал из мертвых, дабы покарать узурпатора Годунова. Да и правильно. Нечего на русский престол татарву сажать.

– Да я бы этого Годунова сам придушил бы! – отозвался тот, что со шрамом. – Житья нам не дает, тиран проклятый! Вот, смотри, монах, на нас. Ты думаешь, мы ами откуда-то? Правильно, с Руси, а убежали сюда в Литву, дабы хотя бы здесь пожить спокойно?

– А все казаки против Годунова? – вдруг поинтересовался Григорий, его глаза загорелись радостным огнем.

– Конечно, все! Кто же его будет поддерживать, коль с его воцарением на престол гол да мор ходит-гуляет, шайки разбойников на дорогах промышляют. Вот сел бы на престол настоящий сын Ивана Грозного, мы бы за него горой встали!

– За царевича Димитрия! – проговорил атаман и, осушив кружки, поставил ее на землю.

– За царевича Димитрия! – хором ответили остальные казаки.

– За Димитрия, – проговорил Григорий, явно обрадованный тем, что нашел хотя бы в казаках поддержку.

Добрался Отрепьев до монастыря ближе к вечеру. У входа его встретил молодой чернец. После расспросов кто ты и откуда, Григория провели в зал трапезы, где его встретили Мисаил да Варлаам, уже порядком взволнованные его долгим отсутствием.

– Ты где был? – строгим голосом учителя поинтересовался Варлаам.

– Да так... гулял, смотрел, где что есть, – уклончиво ответил юноша.

– Это Киев. Город большой, здесь всего добра навалом, – вставил слово Мисаил и откашлялся.

– Ты вот гулял, а нас с братом Мисаилом принял радушно, словно званных гостей, игумен этого монастыря Елисей Плетенецкий.

– А как мне можно поговорить с ним? – вдруг перебил собеседника Григорий и глаза его загорелись каким-то странным огнем, словно у него родился в голове необычный план.

– Так он там... – Мисаил указал рукой на большую деревянную дверь, – у себя в келье...

– Хорошо, спасибо, – Григорий радостно улыбнулся и чуть ли не бегом ринулся в келью Елисея Плетенецкого, оставив своих товарищей в полном недоумении.

В келье пахло нагаром от множества свечей, хотя и то, что от этого было тепло, уже обрадовало молодого монаха, который весь продрог после столько длительной прогулки. Игумен внимательно всматривался в лицо незнакомца из-под нависших бровей, в его бороде блестела седина. Елисей был умным человеком и потому сразу понял, кто стоял перед ним.

– Так ты и есть третий спутник братьев Варлаама и Мисаила? – строгим голосом спросил он.

– Да, отче, – ответил Григорий и весь съезжился под этим пристальным взглядом, словно боясь удара.

– Присядь, мне нужно поговорить с тобой. По лицу твоему вижу, что ты довольно умный человек.

Молодой человек покорно подчинился. Он сел на край стула и опустил глаза, боясь даже взглянуть на своего собеседника. Низкий голос заставил его заговорить:

– Так вы все трое прибыли к нам из Чудова монастыря? Из Москвы?

– Да, – робко ответил Григорий, а потом пояснил, – но лишь я да брат Мисаил проживали в Чудовом монастыре, где до нашего ухода жил брат Варлаам, того не ведаю.

– Хорошо, что ты сказал правду, сыне. Но меня волнует вопрос: зачем тебе, такому молодому, полному сил, понадобилось идти в такую даль, уйти из привелегированного места. Ведь слышал я, Чудов монастырь находится подле Кремля.

– Отче, позволь объяснить тебе все. Да, я ушел из Москвы сюда, но не для того, чтобы предаться богобоязненной жизни. Есть на душе моей тоска, но о ней не хочу никому говорить. Даже иной раз самому себе боюсь в том признаться.

– И что же за тоска тебя съедает? Говори, не бойся, если это тайна, то знай, что ни единого слова не вырвется из моих уст.

– Я... я боюсь, отче, не могу сказать... – голос Григория дрожал, он мял вспотевшие от напряжения руки, пытаясь унять волнение, и это не ускользнуло от взора игумена, который спросил:

– Что же за тайне такая? А?

– Прошу, отче, не пытайте меня! – воскликнул молодой человек и бросился перед ним на колени, целуя старческую руку в знак покорности. – Прошу только, выслушай меня! Да, я сбежал из Москвы, используя паломничество как предлог для пересечения рубежей, но то, о чем я думаю, того не могу сказать тебе. Лишь одному Господу открыл я тайну, – Григорий перекрестился и снова опустил голову.

– Встань с колен, сыне, – произнес уже более мягким тоном старик, – так уж и быть, не буду больше расспрашивать тебя ни о чем, но знай, что какая бы ни была тайна, рано или поздно она станет явью. И ты, и твои спутники могут остаться в моем монастыре, живите здесь сколько хотите.

– Спасибо тебе большое, отче, – со слезами на глазах произнес юноша, – придет время, и я отблагодарю тебя.

Прошло много дней. Григорий то и дело отлучался по делу, бродя в одиночестве среди многолюдных улиц Киева. Он то заходил в иконные лавки, то встречался с казаками, иной раз вел беседы с католиками, которым разрешено было не только жить на территории Литвы, но даже строить собственные церкви. Постепенно Григорий стал все больше и больше отдавать предпочтение иезуитам, нежели православным монахам, о чем незамедлительно с укором высказал ему Варлаам, когда они сидели поздно вечером за трапезой:

– Ты, Григорий, совсем отдалился от нас. К латинянам подался, того и гляди нашу святую веру предашь да на сторону врагов перейдешь.

Отрепьев бросил ложку на стол и так взглянул на него, что монах чуть было не подавился: такого озлобленного взгляда он никогда прежде не видел у Григория. Юноша с укором усмехнулся и ответил:

– Учить меня собрался?

– Не учить, а наставить на путь истинный, дабы ты не продал душу бесам.

– Брат Варлаам прав, – воскликнул вдруг молчавший до этого Мисаил, – ты сам нас втянул в этот поход, подговаривал идти в паломничество к Иерусалиму, а теперь как только мы пересекли границу ты разом перевернулся на другую сторону. Чего тогда мы с тобой ушли, а? Зачем был нужен весь этот поход, коли мы так и не достигли цели?

– Если ты с братом Варлаамом желаешь уйти в святой Иерусалим, то можете собираться хоть сейчас. Я не держу вас подле себя.

– Так вот оно что! Ты использовал нас, дабы сбежать из Руси? Что же ты за человек такой, а?

– Я благодарен вам за все, что вы сделали для меня, а теперь прошу разрешения покинуть трапезу, – с этими словами Григорий встал из-за стола, резко отодвинув стул. Он был зол и на Варлаама, и на Мисаила, но не столько, сколько на себя. И зачем он согласился принять роль царевича, рискуя собственной жизнью.

В дверях юноша столкнулся лицом к лицу с игуменом Елисеем, который важно пройдя к столу, уселся напротив монахов и проговорил:

– Я слышал ваш разговор и хочу встать на сторону брата Григория. Не забывайте, Варлаам и Мисаил, что здесь Литва земля вольная, кто в какой вере хочет, в той и пребывает, – с этими словами старик встал и ушел, оставив обескураженных монахов одних.

Ни Варлаам, ни Мисаил не могли понять, почему сам игумен монастыря так защищает никому неизвестного чернеца Григория, появившегося непонятно откуда и какого рода? И почему сам Григорий, до этого мечтающий о паломничестве ко Гробу Господню, вдруг изменил своего решение и переметнулся на сторону «безбожников»?

Ночью Григорию снился сон, будто он видит отчий дом, сад возле него. Он, еще маленький, бегает как и прежде, беззаботно срывая цветы. Неподалеку стоит его мать Варвара, брат Василий да дядя Смирной-Отрепьев. Все трое грустно смотрят на него, но ничего не говорят. И какая-то тоска родилась в его груди. Он смотрит в глаза матери, которая силится улыбнуться ему, но из ее глаз текут слезы. Она простирает размашисто руки и зовет его, но Григорий не может двинуться с места, ноги его словно вросли в землю, еще влажную от утренней росы. Мама, мама, я здесь! – хочется кричать ему, но силы покидают его и он удаляется от них, таких родных ему людей. Между ними и им вдруг вырастает большая стена, и чем дальше, тем выше она становится. Он не видит уже ни матери, ни брата, ни дяди, они остались далеко, там, за большой преградой. Комок рыданий сдавил горло, Григорий хотел было закричать от страха, но его язык прилип к небу. Нет! Нет! Мысленно закричал он и... резко проснулся.

Присев на кровати, молодой человек залпом выпил воды из кувшина и вытер рукавом мокрый от пота лоб. Сердце учащенно билось в груди, руки похолодели от страха. Что мог значить этот сон, чего ждать впереди! Григорий снова лег на подушку, но спать более не мог. Он нащупал висевший на груди маленький деревянный крестик, что дала когда-то его мать в детстве, и сильно сжал его. «Матушка, прости меня, – тихо произнес он, глотая катившиеся по щекам слезы, – прости меня, но иного пути у меня нет».

Под утро, сморенный тяжелыми мыслями и радениями, Григорий заснул. Проснулся он от нестерпимого холода. Поеживаясь, он встал и направился к окну, рядом с которым на полочке стояла икона. Опустившись на колени, Отрепьев перекрестился и прошептал: «Господи, помоги мне разобраться, укажи путь, по которому мне суждено пройти. Все, чтобы не произошло, я готов принять, ибо пути Твои неисповедимы». Некоторое время простоя в трансе, молодой человек тяжелой поступью добрался до кровати и бессильно плюхнулся на нее. В трясущихся руках он по-прежнему держал деревянный крестик – подарок матери.

– Прости меня, матушка, что вынужден отречься от тебя перед народом, назвав родителями чужих мне людей. Но знай, в душе я никогда не отрекусь от тебя; в уголках моего сердца я по-прежнему твой сын.

Григорий встал на ноги и тут у него закружилась голова, все предметы, бывшие в комнате, поплыли перед его взором, свет погас и он упал на холодный пол, потеряв сознание. Рука его, державшая крестик, бессильно растянулась в сторону, и подарок матери закатился в угол и упал в маленькое углубление, прогрызанное когда-то мышами.

Сколько прошло времени: час или несколько минут? Григорий очнулся и медленно открыл глаза. Лучи солнца ярко заливали келью. Юноша присел и поморщился от боли в голове. Двумя пальцами он растер виски и пылающий лоб. Вдруг молодой человек стал что-то искать на своей шеи. Обезумев, он принялся шарить по всем углам, но так и не смог найти того, чего искал.

– Где же крестик? Где же мой крестик? – спрашивал Григорий самого себя, испуганно озираясь по сторонам.

Вдруг одна из его дорожных сумок с грохотом упала на пол. И от этого звука юноша вздрогнул. Неровными шагами он подошел к сумке и резко отшатнулся в сторону, крестясь при этом. Среди вещей, что он взял с собой, ярко блестел какой-то предмет. Трясущимися руками Отрепьев схватил его и глазам его предстал большой крест, весь усыпанный драгоценными камнями. Тут он вспомнил, что его передал сам архимандрит Пафнутий, готовящий его на роль царя. «Этот крест принадлежал царевичу Димитрию. Теперь он твой, царь всея Руси!» – вспомнил Григорий последние слова Пафнутия. Не долго думая, он повесил сей крест себе на шею и проговорил: «Отныне, я царь!»

Теперь он знал, что надо делать. Собравшись в дорогу, юноша нашел игумена Елисея и сообщил, что вынужден сейчас же покинуть монастырь и идти дальше.

– Я тебя не держу. Ты волен идти куда хочешь и когда хочешь. И скажи своим товарищам брату Варлааму и брату Мисаилу, дабы они тоже шли вместе с тобой. Трое вас пришло, трое и уйдете.

Монахи неохотно согласились покинуть монастырь, уж больно полюбилось им это место, но спорить с игуменом они не решились, ибо тот дал понять, что держать гостей он не намерен. И снова троица двинулась в путь, проибаясь сквозь леса и поля. Шли, останавливаясь лишь на короткий отдых, затем снова продолжили путь. Григорий, следуя за товарищами, то и дело прикладывал руку к груди и ощущал холод металла, украшенный множеством самоцветов. «Я царь, – повторял он про себя одну и ту же фразу, – я царь».

Какое-то время трое монахов прожили у князя Константина Острожского в городе Остроге. Но пробыли там лишь лето, ибо князю сразу не понравился молодой чернец, всегда тихий и задумчивый. Тогда Константин призвал к себе Варлаама и посоветовал ему как можно скорее отправиться дальше. Дабы оставить о себе хорошие воспоминания, Константин подарил Варлааму книгу.

Ранней осенью, когда листва на деревьях только-только начала желтеть, трое монахов собрались в путь. Перед тем, как навсегда покинуть крепость князя Острожского, Григорий положил тайно, дабы никто не видел, написанное собственноручно письмо, в котором была лишь одна фраза: «Ты, князь, по несправедливости выгнал меня, ибо я есть царевич Димитрий, сын Ивана Грозного». Это письмо нашли слуги князя, когда беглый монах был уже далеко.

Выйдя за ворота Острога, монахи вышли на большую дорогу, что петляла между холмов и остановились. Варлаам и Мисаил с грустью смотрели в лицо Григория, словно прощались с ним навеки.

– Так ты не пойдешь с нами в Троицкий Дерманский монастырь? – тихо проговорил Варлаам и на его глазах навернулись слезы; ему было жаль расставаться с молодым человеком.

– Нет, братцы. Я больше не могу жить монашеской жизнью, иные заботы ждут меня.

– Твое право.

– Прощай, Григорий, – отозвался Мисаил, подойдя к нему и крепко обняв его.

– Прощайте, братья, – Григорий крепко обнял каждого, – даст Бог, может, и встретимся когда-нибудь.

С этими словами пути их разошлись навсегда.

Глава 6. Адам Вишневецкий

Борис Годунов ходил по комнате взад-вперед, пытаясь подобрать правильные слова. Вот через несколько минут к нему должна будет прийти инокиня Марфа, бывшая супруга Ивана Грозного Мария Нагая. В коридоре послышались торопливые шаги. В комнату вошел с поклоном холоп и доложил о прибытии инокини.

– Пусть входит, – махнул рукой царь и уселся на большое резное кресло, больше похожее на трон. Он попытался напустить на себя суровый, властный вид, хотя внутри его всего трясло.

В комнату вошла, легко ступая, высокая женщина, закутанная в широкое монашеское одеяние черного цвета. Лицо ее было жесткое и сердитое, губы плотно сжаты. От нее веяло гордостью и властью и от этого Годунов аж поежился, глядя в широко раскрытые глаза Марфы, ставшие от злости почти черными.

– Что ты хочешь от меня, государь? – проговорила она низким голосом, при слове «государь» Марфа сделала заминку.

Борис встал и вплотную подошел к ней, но она и шагу назад не сделала.

– Скажи, Марфа, слышала ли бы слух о спасенном царевиче Димитрии?

– Ну слышала, и что с того? – ее голос задрожал, но инокиня мужественно взяла себя в руки, дабы не расплакаться.

– Ты же знаешь, что сын твой умер тогда в Угличе...

– Не умер, его убили, и ты знаешь кто.

– Подожди, Марфа, я должен знать точно: твой сын мертв или жив?

– А если и жив, то что? – вдруг инокиня повысила голос и почти прокричала. – Душегуб, узурпатор! Недолго тебе осталось царствовать! Ну ничего, расплата близко, не долго тебе осталось жить, татарское отродье.

Тут из-за угла выбежала царица Мария и, желая вцепиться в лицо инокини, встала между ней и мужем, глаза ее горели дьявольским огнем.

– Нехоже тебе, инокини, речи такие вести, – ответила она, – неужели ради мести и ради славы ты готова отречься от родного сына, назвав его именем чужого неизвестного человека? Что же ты за мать такая?

Марфа усмехнулась. Она видела злобное лицо царицы, испуганные глаза Годунова, и ей захотелось вдруг прокричать: «Это из-за вас я потеряла единственного сына, которого ваши люди зарезали на моих глазах! Из-за вас мои мытарства и забвения! Будьте же вы прокляты, племя Годуновых!», но вслух она произнесла:

– Нехоже царицы вести такие речи. Если уж вы уверены в том, что сын мой давно мертв, то чего вы так испугались? Или же вы боитесь, что самозванец лишит вас трона?

– Не злись, Марфа, – ровным голосом ответил Борис, – я прошу лишь об одном, чтобы ты вышла на Лобное место и объявила всему народу всю правду, дабы они не смущались поганной речью лжеца.

– Я не буду делать этого, царь. Ты прибрал к рукам власть, теперь сам и разбирайся со своими проблемами, а меня оставь.

– Так ты отказываешься?

– Да.

Царь глубоко вздохнул и уселся в кресло, подле него встала царица. Инокиня продолжала ожидать своей участи: отправят ли ее обратно в монастырь или же запрут в каком-нибудь подземелье, где она похоронит себя заживо.

– Как тебе не стыдно, Марфа?! – прокричала Мария.

– Ладно, оставь ее, – Борис устало махнул рукой и проговорил, обращаясь к инокине, – разрешаю идти, ты свободна.

– Как будет угодно, государь, – с усмешкой проговорила та и, гордо вскинув голову, покинула комнату.

Гоща, прибежище еретиков-ариан, паном которой был Габриэль Хойский. Вот прошел почти год, как Григорий поселился у ариан, обучаясь в их школе польскому и латинскому языкам. Его учителем оказался русский монах Матвей Твердохлеб – известный проповедник арианства. За все то время, что юноша жил в Гоще, он не только с упорством постигал лингвистику чужих языков, но и какое-то время даже соблюдал религиозные ритуалы арианов, хотя о переходе в их веру не было и речи, до сих пор Отрепьев оставался православным, скинувший сразу после прощания с Варлаамом и Мисаилом монашескую рясу и переодевшись мирянином. Так, Григорий поставил точку в жизни смиренного чернеца.

После Гощи посетил Запорожскую Сечь, где пробыл у казаков до 1603 года, обучаясь военному делу. Вспоминая, как он попал к казакам, Григорий слегка улыбался, ибо поистинне сама судьба свела его с вольными людьми. Однажды погожим днем, когда весна была в самом разгаре и от этого бурлила кровь в жилах, юноша шел по нехоженной тропе, обходя косогоры да болотистые трясины. Южный ветер привносил с собой запах диковинных цветов, и воздух словно хмелел от сладковато-горьковатого аромата. Вдыхая полной грудью чистый воздух, Григорий присвистывал какую-то песенку, сжимая в руках перекинутую через плечо сумку. Впервые за несколько лет он чувствовал себя поистинне счастливым. Так вот, что значит свобода, когда можно, не стесняя себя ни в чем, шагать вот так вот просто, не думая о монастырском этикете, когда нужно было котролировать каждое слово, каждое движение. После того, как он скинул с себя монашескую рясу, молодой человек словно избавился от оков. Теперь он свободен и может идти куда угодно.

Перекусив у небольшой речушки коркой хлеба и запив ее козым молоком, отданной сердобольными крестьянами, Григорий двинулся снова в путь. И когда он уже было подходил к лесу, как вдруг услышал крики и визг. Несколько голосов о чем-то громко спорили, иной раз проскальзывал зычный смех.

– Что там такое? – спросил сам себя Отрепьев и решил проверить, кто там так кричит, хотя внутри его всего обдало жаром: как бы не попасть в лапы разбойников. Недаром вот уже несколько дней юноша шел окольными путями, сторняясь главных дорог.

Подойдя к опушке, он скрылся среди кустов и стал всматриваться в происходящее. А случилось вот что: на большой поляне собрался большой отряд казаков. Везде валялись разобранные шатры да утварь, в которой, скорее всего, варилась еда. Казаки сидели кто где и, время от времени поднимая кружки, громко кричали и делали ставки на предполагаемых победителях. В центре круга шел настоящий кулачный бой между самыми сильными и смелыми бойцами. Поверженных отводили в стороны друзья, прикладывая к их синякам смоченную в воде тряпку.

Один из бойцов, огромного роста здоровяк с очень смуглой кожей, потирая длинные усы, кричал собравшимся:

– Ну, кто еще хочет помериться со мной? Нет таких? Ха-ха, да вы все трусили перед Николой! Эй, повторяю еще раз, пусть храбрец выйдет в круг и сразится со мной!

Но никто более не хотел вступать в бой с Николой, ибо понимал, что совладать с такой громилой нереально. И когда уже было решено отдать приз победителю, как вдруг сзади донесся зычный голос. Все обернулись в сторону этого голоса и увидели подошедшего молодого человека в стареньком поношенном плаще. Его тонкие белые кисти рук и нежная кожа лица свидетельствовали о благородном происхождении, совсем отличном от казачьего образа жизни.

Никола рассохотался и закричал:

– Это ты, цыплеток, хочешь сразиться со мной?

– Да! – Григорий Отрепьев скинул седельную сумку и плащ, оставшись в шароварах и длинной плотной рубахе.

Казачьи рассмеялись, видя сильный контраст между противниками: один загорелый огромного роста детина, другой невысокий стройный юноша. Особенно почувствовалась разница тогда, когда молодой человек прошел на середину круга и встал напротив соперника. Со всех сторон донеслись крики и возгласы казаков:

- Парень, иди-ка отсюда, наш богатырь раздавит тебя в два счета одним пальцем!
- Давай, Никола, покажи этому желторотому, кто здесь главный!
- Смотри, да у этого парня руки как у девицы, сидящей целыми днями за рукоделием.

Григорий ни разу не обратил внимания на подобные колкости, которые могли вывести любого, но только не его, так уверенного в своей победе. Никола с ног до головы рассмотрел юношу и произнес:

– Эй, красавчик, проваливай пока не поздно.

– Только не в этот раз! – гордо воскликнул Григорий и рванул с себя рубаху, оставшись голым по пояс. Тут только собравшиеся заметили широкие сильные плечи и крепкий торс, которые никак не вязались с маленьким ростом, будучи сокрытыми под свободной одеждой.

Старшина отсчитал до пяти и дал команду к началу боя. Присутствующие замолкли и уставились на бойцов. Никола и Григорий некоторое время ходили по кругу, пристально поглядывая друг на друга. Но вскоре здоровяку надоело играть в молчанку и он с криком ринулся на противника, желая напугать его. Но юноша ловко отскочил в сторону, увернувшись от увесистого кулака. Казак выругался и снова попытался напасть на соперника, однако тот быстро уворачивался от него, перебегая с одного места на другое.

– Сейчас я тебя раздавлю, слезняк! – вдруг прогремел басом Никола, уставший от постоянного бега.

Григорий присел, приготовившись отбросить нападение. С криком казак ринулся на него и еще один миг, как он вдруг почувствовал удар спиной о землю. Кровь прилила к его загорелому лицу, черные глаза уставились в одну точку. Оказалось, что юноша ударом кулака смог остановить его пыл, после чего резко перевернул его на спину. Уставший, весь в поту, Григорий тем не менее почувствовал себя победителем, когда со всех сторон до него донеслись радостные крики и поздравления. Казаки собрались вокруг него и принялись осыпать его комплиментами, ставя в пример другим его ловкость и силу.

– Кто этот человек? – вдруг донесся незнакомый голос.

Казачьи в одну секунду обернулись и уставились на подъехавшего на коне мужчину средних лет, одетого в богато украшенный кафтан, на его ногах красовались дорогие сапоги с загнутыми носами. Один из казаков, молодой юноша вскочил на ноги и ответил:

– Герасим, мы и сами не знаем, кто этот незнакомец, но он победил нашего Николу.

Герасим сильно рассмеялся, мельком взглянув на поверженного богатыря, который все еще не мог прийти в себя после боя.

– Ты говоришь, что этот молодой человек победил нашего героя Николу? Что же, это похвально, – с этими словами он спрыгнул с лошади и крупными шагами подошел к Григорию, который чуть склонил голову в знак уважения.

Мужчина какое-то время пристально разглядывал его, затем спросил:

- Как твое имя, юноша?
- Имя мое Григорий, сын Богдана.
- Откуда ты родом?
- Из Галича.
- Стало быть, ты русский?
- Да, отец и мать мои русские по крови.

– Что же, это хорошо, гораздо лучше диких татар, что время от времени забредают в наши края. Сколько тебе лет, Григорий?

– Двадцать два.

– Двадцать два, это так мало. И в таком молодом возрасте ты решился пуститься в путь, перейдя границу? Не страшно?

– Если честно, да, но мне так хотелось увидеть дальние земли, о которых грезил я всю свою жизнь. В душе я путешественник и не могу усидеть на одном месте. Я бы умер с тоски, если бы остался жить у себя в доме.

– Судя по твоим рассуждениям, ты умный не по годам человек, Григорий. Если хочешь знать, имя мое Герасим Евангелик, я атаман этих казаков, таких же вольных людей как и ты. Но, хочу спросить, куда ты держишь путь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.